

УПРАВЛЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМИ В АСИММЕТРИЧНЫХ АЛЬЯНСАХ ОПЫТ РОССИИ

ИГОРЬ ИСТОМИН

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Центр российских и евразийских исследований имени Дэвиса Гарвардского университета,
Бостон, США

Резюме

В международной политике широко распространены асимметричные альянсы, в которых крупная держава сотрудничает с заведомо уступающими ей по силе союзниками. Возникновение такого рода объединений в литературе объясняют формулой «гарантии безопасности за внешнеполитическую автономию», которая, однако, не раскрывает, в чём именно заключается выгода крупной державы от влияния на заведомо слабые страны. Настоящая статья призвана развить теоретические представления по этому вопросу и проверить их обоснованность на основе анализа российского опыта. Исследование решает две взаимосвязанные задачи. *Во-первых*, оно призвано углубить понимание российской внешнеполитической стратегии и роли различных инструментов военно-политического сотрудничества в обеспечении национальных интересов. *Во-вторых*, оно позволяет проверить положения теории асимметричных альянсов, оценив их применимость к трудному для объяснения случаю.

Россия приняла на себя военно-политические обязательства в отношении ряда соседних государств на основе двусторонних соглашений и Договора о коллективной безопасности. На начало

Настоящая публикация представляет собой русскоязычную версию исследования, подготовленного в рамках совместного проекта МГИМО и Школы международных отношений имени Сэма Нанна в Технологическом институте штата Джорджия (Sam Nunn School of International Affairs, Georgia Institute of Technology). Вариант статьи на английском языке опубликован в англоязычной части специального выпуска журнала. Вместе с тем русская и английская версии не являются идентичными, в том числе потому, что в русском языке отсутствует точный эквивалент ключевого понятия *statecraft* и авторы вынуждены использовать сразу несколько различных слов и выражений для передачи смысла этого понятия в разных контекстах («ресурсы», «инструменты», «способы», «формы» реализации внешней политики или поведения государства на международной арене). Подробнее о значении понятия *statecraft* см. ввводную статью этого выпуска журнала.

Материал подготовлен в рамках гранта ИМИ МГИМО №1921-01-07: «Новые формы стратегической конкуренции великих держав в XXI веке» по направлению «Анализ и прогнозирование эволюции международных отношений в контексте смены технологического уклада». Предварительный вариант настоящего исследования был апробирован на научном семинаре МГИМО и Технологического института Джорджии в марте 2020 года. Автор также выражает признательность Александру Кули, Ю.А. Никитиной, Михаэлле Папа, Н.Ю. Силаеву за их комментарии и советы, использованные при подготовке статьи.

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.11.2020

Дата принятия к публикации: 12.04.2021

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: iaistomin@gmail.com

2020-х годов она предоставляет гарантии защиты на случай нападения Абхазии, Армении, Белоруссии, Казахстану, Киргизии, Таджикистану и Южной Осетии. Таким образом, Москва полагается на асимметричные альянсы в отношениях с рядом близлежащих стран для извлечения преимуществ, связанных с проецированием силы, легитимацией её внешнеполитических инициатив, ограничением свободы манёвра конкурентов, а также стабилизацией собственного окружения. При этом она не стремится вступать в аналогичные альянсы с географически удалёнными партнёрами. Такая сдержанность сохраняется даже в отношении стран, с которыми Москва выстраивает привилегированное сотрудничество. Политика России свидетельствует о её высокой чувствительности к прямым расходам, вероятной упущенной выгоде и потенциальным рискам предоставления военно-политических обязательств. Хотя российский опыт выстраивания отношений с союзниками существенно отличается от американского, который в литературе нередко рассматривается в качестве модельного, тем не менее он подтверждает положения теории асимметричных альянсов.

Ключевые слова:

военно-политический союз; асимметричный альянс; гегемония; Россия; США; НАТО; ОДКБ; военно-техническое сотрудничество; статус; внутривнутриполитическая нестабильность.

Классическое в политической науке определение международных союзов было дано ещё в 1960-х годах: это «обещание взаимной военной помощи между двумя или более суверенными государствами» [Wolfers 1968: 268]. В отличие от неформальных коалиций, альянсы предполагают договорное закрепление взаимных обязательств сторон, которое служит значимым, хотя и не единственным инструментом политического сигнализирования. На протяжении истории такие объединения занимали центральное место в международно-политическом взаимодействии. Один из пионеров в исследовании союзничеств, Джордж Лиска, утверждал: «Невозможно говорить о международных отношениях без упоминания альянсов; эти два понятия зачастую сливаются во всём, кроме названия» [Liska 1962: 3]. В этой связи управление союзническими отношениями выступает неотъемлемым элементом того искусства проведения внешней политики, о котором писали авторы вступительной статьи настоящего номера [Джордан и др. 2021; Jordan et al. 2021].

Между тем с середины XX века союзничество перестало играть весомую роль в обеспечении военной безопасности круп-

ных держав. Из международной практики фактически исчезли альянсы между равновесными игроками, зато широкое распространение получили объединения, в которых крупная держава выступала безоговорочным лидером, предоставляя гарантии защиты слабым странам¹. Примерами таковых выступают НАТО, Организация Варшавского договора, двусторонние соглашения в рамках системы «оси и спиц» в Азии, Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

Функционирование асимметричных альянсов связывают с обменом разнородными благами, описываемым формулой «гарантии безопасности за автономию» [Mogrow 1991]. При всей логичности, она не раскрывает, в чём именно заключается выгода крупной державы от обретения влияния на слабые страны. Малый материальный потенциал союзников порождает вопрос о рентабельности инвестиций в их безопасность, и ответ на него требует разработки теории асимметричных отношений.

Кроме того, предложенная формула не раскрывает причин, по которым отдельные игроки уклоняются от предоставления военно-политических обязательств. Что

¹ Здесь и ниже понятие «слабые страны» используется для обозначения субъектов международных отношений, располагающих существенно меньшим материальным потенциалом по сравнению с их партнёрами, то есть как синоним понятия «малые и средние страны», но не понятия «слабые государства».

удерживает крупные державы от предоставления гарантий безопасности потенциально неограниченному числу слабых стран? Если Соединённые Штаты имеют обширную сеть обязательств в ключевых регионах мира, то Китай и Индия, напротив, неохотно обещают военную помощь даже тем государствам, с которыми имеют тесные связи [Истомин, Байков 2020].

С рядом соседей Россия выстроила союзнические отношения, но не стремится распространять таковые на партнёров в иных регионах [Истомин, Силаев, Сушенцов 2018]. Союзничество предполагает создание эксклюзивных клубов с высокими барьерами для вступления, что противоречит установке Москвы на закрепление принципа неделимости безопасности и не согласуется с осуждением российской стороной закрытых форматов с ограниченным участием².

В этой связи настоящая статья призвана объяснить российский подход к союзническим обязательствам на основе теории асимметричных альянсов. Исследование решает две взаимосвязанные задачи: углубить понимание российской внешнеполитической стратегии и роли инструментов военно-политического сотрудничества в её проведении; обосновать оригинальный теоретический подход, оценив его применимость к нетривиальному случаю.

Большая часть исследований, выявляющих каузальные механизмы функционирования асимметричных альянсов, основана на американском опыте [Троицкий 2002; Beckley 2015; Истомин 2017]. Осмысление малоизученного российского примера способно упредить возможные сомнения относительно генерализуемости предлагаемой теории.

Анализ политики Москвы свидетельствует о её чувствительности к прямым расходам, упущенной выгоде и потенциальным рискам, связанным с военно-политическими обязательствами. Россия с осторожностью предоставляет гарантии, исходя из оценки собственных интересов и потенциала. При заключении асимметричных альянсов могут быть извлечены преимущества, связанные с проекцией силы, легитимацией своих внешнеполитических инициатив, ограничением свободы манёвра конкурентов, а также стабилизацией регионального окружения.

Настоящая статья свидетельствует, что управление союзническими обязательствами требует стратегического видения и большого дипломатического искусства. Даже в условиях диспаритета альянсы не позволяют крупной державе добиваться всего, чего она хочет, поэтому стремление к раздуванию числа союзников не всегда оправданно. На наш взгляд, альянсы не следует рассматривать как безусловный внешнеполитический актив [такую точку зрения высказывают, в частности, Brooks, Ikenberry, Wohlforth 2013; Brands, Feaver 2017].

Первый раздел настоящей статьи посвящён обоснованию различий в союзнических отношениях равновесных игроков и в асимметричных альянсах. Изложена теория асимметричных альянсов, характеризующая возможные преимущества и издержки этого типа объединений для крупных игроков, а также определяющая его значение в контексте других форм доминирования в международной политике.

Далее положения теории асимметричных альянсов соотносятся с опытом России в 1990-х – 2010-х годах. Значимость обязательств перед союзниками продемонстри-

² См., например: Концепция внешней политики Российской Федерации. 30 ноября 2016 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451> (дата обращения: 10.11.2020); Путин В.В. Россия и меняющийся мир // Российская газета. 27.02.2015. URL: <https://rg.ru/2012/02/27/putin-politika.html> (дата обращения: 10.11.2020); Лавров С.В. Выступление Министра иностранных дел России на открытии Ежегодной конференции ОБСЕ по обзору проблем в области безопасности, Вена, 23 июня 2009 года. URL: https://www.mid.ru/vistupleniya_ministra/-/asset_publisher/MCZ7HQuMdgBY/content/id/288306 (дата обращения: 10.11.2020); Лавров С.В. К миру, стабильности и устойчивому экономическому развитию в Азиатско-Тихоокеанском регионе. 5 октября 2013 г. URL: https://www.mid.ru/atr/-/asset_publisher/OvP3hQoCPRg5/content/id/93642 (дата обращения: 10.11.2020).

рована на сравнении с политикой в отношении иных партнёров. Реконструировать российский подход к союзничеству и обеспечить валидность выводов позволяет широкий круг использованных источников, включающих статистические сведения, экспертные публикации, официальные документы, новостные материалы.

1

На протяжении истории союзнические отношения активно использовались для балансирования оппонентов, компенсируя отставание слабых игроков от более сильных. Зачастую альянсы обостряли опасения государств, на которых не распространялись взаимные гарантии, что приводило к усилению соперничества [Christensen, Snyder 1990; Vasquez 1993; Gibling, Vasquez 1998; Kenwick, Vasquez, Powers 2015]³. Тем не менее государствам трудно было удержаться от поиска союзников из опасений оказаться в уязвимом положении [Johnson 2017]: как правило, потенциальная война пугала их меньше, чем внешнеполитическое поражение.

Данная логика не объясняет участия крупной державы в асимметричных альянсах, со значительным (в разы) неравенством материальных потенциалов между лидером и остальными участниками. Для союзников объединение остаётся инструментом обеспечения безопасности, но страна-лидер не получает значимой прибавки к собственной мощи от сотрудничества с заведомо слабыми странами. Основные выгоды для неё состоят в приобретении рычагов воздействия на государства, которым она предоставляет военно-политические гарантии безопасности [Mogrow 1991]. Для крупной державы асимметричные альянсы — это инструмент, оформляющий неравноправные отноше-

ния. Для объяснения его востребованности необходимо обрисовать причины, побуждающие добиваться влияния на слабые страны⁴, а также издержки, связанные с его обретением.

Оценка значимости асимметричных альянсов не может игнорировать наличие иных механизмов влияния на слабые страны. Объяснение их роли должно отвечать на вопрос о том, почему крупные державы прибегают к союзничеству, а не к его альтернативам. Военно-политические обязательства должны обеспечивать лучшие, более надёжные способы влияния, чем другие инструменты.

Следовательно, в общем виде значение асимметричных альянсов может быть описано формулой

$$b - c \geq \forall a > 0,$$

где b — это выгоды от союзничества, c — издержки. Для того чтобы поддержание союзнических отношений имело смысл, разница между ними должна быть не только положительной, но и не меньше, чем в альтернативных вариантах — a .

Ниже подробно рассмотрены обстоятельства, определяющие возможные значения указанных переменных, классифицированы преимущества, описаны издержки, показаны альтернативные варианты, закрепляющие доминирование. Такой анализ позволит не только обосновать причины, побуждающие государства прибегать к асимметричным альянсам, но и очертить пределы их востребованности.

2

Какие преимущества обретает крупная держава от заключения альянса с уступающими ей в материальном плане союзниками? Этот вопрос остаётся без ответа, если в духе неореализма сводить мотивы государств исключительно к стремлению обе-

³ Критику таких предположений см.: [Kim, Woo, Lee 2020].

⁴ Предположение о том, что государства стремятся к влиянию ради влияния, рисует манихейскую картину мира, которую не разделяет большинство современных исследователей. Ганс Моргентау остаётся единственным видным теоретиком, исходящим из того, что государства преследуют национальные интересы, определяемые в терминах власти [Morgenthau 1948]. О мотивах государств в международной политике см.: [Organski 1958; Waltz 1979; Lebow 2008].

спечить собственное выживание⁵. Отметим, что такой тезис плохо сочетается с другим положением неореалистов, что крупные державы мало поддаются принуждению и, соответственно, исключительно устойчивы [Mearsheimer 2001: 83–114].

Запас прочности позволяет этим государствам принимать во внимание потенциальные угрозы на сравнительно длительный горизонт планирования⁶. Стремление государств к обретению долгосрочных преимуществ, имеющих отложенное и косвенное влияние на их безопасность, способствует преобразованию международных отношений в высокосоциализированную систему, в которой государства соперничают не только за материальные ресурсы, но и за статусные позиции.

Высокий статус выступает залогом того, что оппоненты побоятся испытывать крупную державу на прочность⁷. Между тем её социальный капитал зависит от того, как данное государство воспринимают другие игроки. В широком смысле французский социолог Пьер Бурдьё определял социальный капитал как «совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания – иными словами, с членством в группе» [Бурдьё 2002: 66]. Таким образом, высокий статус государства предполагает демонстративное признание со стороны других участников мирополитических процессов, и это свидетельствует о нали-

чии в системе международных отношений иерархии, пусть даже и неформальной⁸.

Крупные державы способны реагировать не только на экзистенциальные угрозы собственной территориальной целостности и суверенитету. В частности, они предпринимают усилия по предотвращению трансграничного «переливания нестабильности» из стран со слабой государственностью, будь то в форме террористической активности, организованной преступности, массовой миграции или распространения радикальных идеологий.

Влияние на слабые страны, даже если оно не повышает шансы выживания крупной державы, даёт последний ряд преимуществ, которые могут быть актуализированы как во внутри-, так и во внешнеполитической области [Lake 2009]. Потенциальные выгоды от заключения асимметричных альянсов систематизированы в табл. 1.

Сдерживая наращивание военно-политического потенциала союзников (1А), крупная держава может предотвратить преобразование относительно слабого игрока в самостоятельный центр силы, который составит ей конкуренцию в будущем. В частности, с середины XX века Соединённые Штаты удерживали от восстановления независимого потенциала Японию и Германию, предоставляя этим странам обязательства по их защите, но не допуская появления у них ядерного оружия. Такая политика оказалась менее успешной в случае Франции, которая обрела независимый потенциал сдерживания, способствовав-

⁵ См., например: [Waltz 1979].

⁶ Показательно, что неоклассические реалисты проводят разграничение между жёстко ограничивающим (restrictive) состоянием внешнего окружения государства, требующим немедленного противодействия новым вызовам, и щадящим (permissive) состоянием, когда экзистенциальные вызовы отсутствуют [Ripsman, Taliaferro, Lobell 2016: 52–55].

⁷ На эти последствия статуса (точнее, внешнеполитического престижа) указывал ещё Ганс Моргентау [Morgenthau 1948: 55–58]. Литература по вопросам социального признания крайне обширна. Об источниках статуса на международной арене см., в частности: [Major Powers and the Quest for Status 2011; Status in world politics 2014; Renshon 2017; Ward 2017; Larson, Shevchenko 2019].

⁸ Об иерархии в международных отношениях см.: [Gilpin 1981; Keal 1983; Clark 1989; Lake 2009]. Большинство авторов согласны с тем, что внешнее признание коррелирует с ресурсами государства (в том числе военными и экономическими), но такая зависимость остаётся нежёсткой. Ослабевшая держава может по инерции сохранять высокий социальный капитал. Наоборот, возможности восходящего гиганта порой недооцениваются. Подробнее о недополучателях признания и статусных изживенцах см.: [Major Powers and the Quest for Status 2011].

Таблица 1
Преимущества асимметричных альянсов для крупных держав

Характер задач	Сфера влияния	
	А. Внутреннее развитие союзника	Б. Внешняя политика союзника
1. Ограничительные	профилактика появления самостоятельных игроков	ограничение внешних связей союзника
2. Преобразовательные	укрепление государственности союзника	вовлечение союзника в поддержку инициатив лидера

Источник: составлено автором.

ший её фрондёрству по отношению к Соединённым Штатам⁹.

Задача профилактики превращения союзника в самостоятельный центр силы актуальна в отношении тех государств, которые изначально обладают латентным потенциалом, но недоиспользуют его. Асимметрия в этом случае выступает продуктом сознательных усилий, а не естественным состоянием. Она возможна при осознании союзником тяжести затрат и рисков наращивания собственного военно-политического потенциала.

Ещё одной функцией альянса выступает содействие укреплению статуса крупной державы за счёт ограничения связей её союзников с потенциальными конкурентами (1Б). Такое влияние явственно подтверждает признание лидерства, подкрепляя претензии крупной державы на привилегированный статус в международной системе [Истомин, Болгова, Соколов, Аватков 2019].

В период «холодной войны» США сдерживали политические и экономические связи с СССР стран, на которых распространялись гарантии Вашингтона. В экономической сфере в этих целях был сформирован Координационный комитет по экспортному контролю, создавший барьеры на пути трансфера технологий из развитых капиталистических стран в государ-

ства социалистического лагеря [Mastanduno 1988; 1992]. Они добивались ограничения хозяйственных связей с Москвой в тех случаях, когда сами союзники демонстрировали заинтересованность в налаживании подобных отношений. Схожей лояльности Соединённые Штаты стали добиваться от союзников в контексте активизировавшегося американо-китайского соперничества в 2010-х годах¹⁰.

Кроме того, ограничения на связи с третьими странами способны выступать инструментом борьбы за экономические рынки. Военно-политические гарантии могут сопровождаться ожиданиями переориентации торговых потоков союзника или открытием его экономики для инвестиций [Fordham 2010; Mansfield 2015].

Наряду с ограничительными задачами по сдерживанию внутреннего потенциала и международной деятельности союзников крупные державы прибегают к асимметричным альянсам и для модификации международной среды в выгодном для себя направлении. В числе прочего, слабые страны могут содействовать проекции силы и контролю морских пространств (2Б).

Территория союзников может использоваться для базирования вооружённых сил крупной державы, захода, ремонта, пополнения запасов боевых кораблей и самолётов. К дипломатической поддержке даже

⁹ Относительно роли соображений, связанных с ядерным нераспространением в развитии асимметричных альянсов, см.: [Security assurances... 2012; Frühling, O'Neil 2017; Lanoszka 2018].

¹⁰ См., например: *Nakashima E., Booth W.* Britain bars Huawei from its 5G wireless networks, part of a growing shift away from the Chinese tech giant // Washington Post. 15.07.2020. URL: https://www.washingtonpost.com/national-security/britain-to-bar-huawei-from-its-5g-wireless-networks-part-of-a-growing-shift-away-from-the-chinese-tech-giant/2020/07/13/44f6afee-c448-11ea-b037-f9711f89ee46_story.html (accessed: 10.11.2020).

слабых стран крупная держава может апеллировать для легитимации своих инициатив на мировой арене, в том числе военных интервенций. В ряде случаев потенциал малых стран востребован для решения вспомогательных военных задач и, соответственно, сокращения издержек крупной державы [Weitsman 2013; Schmitt 2018].

Показателен опыт США, которые во времена «холодной войны» в рамках концепции «передового базирования»¹¹ использовали территорию союзников для поддержания инфраструктуры глобального военного присутствия, расширявшей возможности Вашингтона по оперативной проекции военной мощи, в том числе в ходе региональных конфликтов и острых политических кризисов. Кроме того, Соединённые Штаты эксплуатировали практическое содействие и особенно политическую лояльность союзников в 1990-х – 2010-х годах, проводя операции в Афганистане, Ираке, Сирии, Югославии¹².

Наконец, ещё одной функцией асимметричных альянсов с точки зрения крупной державы может выступать внутривнутриполитическая стабилизация самих союзников (2A) [Quirk 2017]. Она особенно востребована в отношении стран с ослабленной государственнымостью, которые рискуют превратиться в источник трансграничной террористической активности, распространения радикальных идеологий, наркотрафика, миграционных потоков¹³. Напротив, стабилизация ситуации способна превратить их в привлекательных экономических партнёров.

Гарантируя безопасность от внешних угроз, крупная держава помогает местному правительству переориентировать ресурсы

на решение внутренних проблем. Кроме того, формализованные обязательства могут стать основой для широкого экономического содействия. В этой связи на протяжении «холодной войны» внутренняя нестабильность в странах Третьего мира в значительной степени определяла логику их сближения со сверхдержавами [Barnett, Levy 1991; David 1991b]. Например, стремление к укреплению местного режима обусловило американскую поддержку Южного Вьетнама в борьбе с Вьетконгом. Ещё ранее угроза обострения внутривнутриполитической ситуации в государствах Юго-Восточной Азии побудила США инициировать Манильский пакт [Buszynski 1983]. Подобные шаги предпринимались с СССР, но были направлены скорее на профилактику укрепления коммунистических сил внутри стран, а не на защиту от внешнего вторжения.

Как следует из вышесказанного, сотрудничество со слабыми странами может приносить выгоду крупной державе, даже не влияя на военно-стратегический потенциал. Отметим, что перечисленные функции не всегда востребованы в равной степени, а некоторые могут противоречить друг другу¹⁴. В этой связи крупные державы выбирают отдельные применения асимметричных альянсов из доступного меню.

Способность крупных стран задействовать этот инструментарий во внешней политике ограничивается издержками, связанными с развитием союзнических отношений. Последние редко попадают в фокус теории асимметричных альянсов [Mogrow 1991]. Между тем их влияние на политику

¹¹ Военные базы США размещались не только на территории союзников, но и других государств. Вместе с тем, как отмечают Александр Кули и Дэниэл Нексон, большая автономия последних повышает риски потери прав на размещение сил. Неудивительно, что основными опорными базами глобального военного присутствия выступают такие страны, как Япония, Республика Корея, а также государства-члены НАТО [Cooley, Nexon 2013].

¹² См., напр.: [Печуров 2008; Истомин, Байков 2019; Bogdanov 2019].

¹³ В этом отношении показателем широко распространённое в 2000-х годах убеждение, что слабость государств представляет основной источник угроз международной безопасности (см., например: [Fukuяama 2004: 92]).

¹⁴ Например, предотвращение усиления союзника плохо согласуется с содействием в укреплении его государственности.

крупных держав обосновывает необходимость более пристального изучения возникающих ограничений.

З

Любые виды союзничества, будь то военно-политическое сотрудничество между равновесными игроками или асимметричный альянс, имеют свои издержки. Поскольку последние связаны не с обеспечением выживания государства, а с приобретением преимуществ, имеющих сравнительно меньшую значимость, стоит ожидать большую чувствительность государств к издержкам.

К тому же асимметричные альянсы делают возможным, но не гарантируют обретение преимуществ, описанных в предыдущем разделе. Эмпирические исследования продемонстрировали, что государства выполняют юридически оформленные обязательства в большинстве случаев – с вероятностью порядка 75%, но не всегда [Leeds, Long, Mitchell 2000].

Выгоды, связанные с влиянием на слабые страны, как правило, не получают договорного закрепления при установлении союзничества. Лояльность не прописывается, потому что такое закрепление поставило бы суверенность участников альянса под сомнение. Это девальвировало бы его значимость, в том числе как инструмента статусного сигналирования¹⁵. При этом диспаритет материальных потенциалов не всегда обеспечивает способность крупной державы навязывать слабым странам свою волю.

Различия в уровне решимости или наличии альтернативных способов обеспечения интересов помогают им противодействовать внешнему давлению [Keohane, Nye 1977; David 1991a; Small states... 2003; Small states... 2012; Womack 2016; Long 2017a; 2017b]. Даже в тех случаях, когда

слабые страны соглашаются поддержать лидера альянса, их содействие бывает обусловлено требованиями, осложняющими достижение целей крупной державы. Это обостряет дилемму выбора между легитимацией действий и максимизацией практической отдачи¹⁶.

Зачастую государства более уязвимы к принуждению своих близких союзников, чем иных игроков, так как зависят от их помощи – в случае ухудшения отношений им есть что терять [Drezner 1999]. Возможность отзыва гарантий безопасности, предоставляемых лидером альянса, выступает козырем в его руках при разворачивающемся торге¹⁷. Опыт взаимоотношений США с союзниками свидетельствует, что последние проявляют большую лояльность Вашингтону, чем другие государства [Истомин, Байков 2019].

В то же время в рамках асимметричных альянсов крупные державы берут на себя военно-политические обязательства, которым неизбежно сопутствуют издержки, связанные с выполнением обязательств перед союзниками. Оценка соотношения приобретений и потерь не представляется формализуемой, как и вопрос о том, «сколько безопасности в обмен на сколько автономии было бы справедливой ценой в союзничестве?», не имеет однозначного ответа.

Издержки на поддержание асимметричных альянсов включают прямые затраты, упущенную выгоду и потенциальные риски (табл. 2). К числу первых относятся расходы на поддержание вооружённых сил, убеждающих в надёжности военно-политических обязательств; приобретение доверия союзника к надёжности гарантий может потребовать наращивания потенциала сверх меры военной достаточности. С этой проблемой в период «холодной войны» сталкивались США, вынужденные

¹⁵ Показательно, в частности, негативное влияние на американские попытки легитимировать войну в Ираке в 2003 г. утверждений, что участники «коалиции желающих» вступали в неё под влиянием американского принуждения, а не из признания оправданности их действий [Newnham 2008].

¹⁶ См., например: [Weitsman 2013; Schmitt 2018].

¹⁷ См. в этой связи: [Johnson 2015].

Таблица 2
Издержки асимметричных альянсов

1. Прямые расходы	поддержание вооружённых сил
	доступ на рынок
	военно-техническая помощь / содействие развитию
2. Упущенная выгода	ухудшение отношений с оппонентами союзника
3. Потенциальные риски	вовлечение в авантюры союзника
	эффект обманутых ожиданий

Источник: составлено автором.

заботиться не только о балансировании Советского Союза, но и о размещении достаточных сил в Европе для убеждения союзников по НАТО в том, что Вашингтон действительно придёт на помощь в случае необходимости. Союзники не раз выражали сомнения в надёжности американских гарантий [Trachtenberg 2012].

Другой вид возможных издержек связан с предоставлением союзникам экономических преференций. В частности, с 1950-х годов США, стремясь ограничить связи Японии с СССР и Китаем, в одностороннем порядке открыли ей доступ на свой рынок [Cha 2016].

Упущенная выгода проявляется в усложнении взаимодействия с государствами, находящимися в напряжённых отношениях с союзниками. Причём у крупной державы изначально могли отсутствовать противоречия с этими странами. Охлаждение связей с ними оказывается следствием сближения с их оппонентами. Иными словами, обретение друзей в международной политике приводит к появлению новых противников. В частности, близкие отношения США с Израилем и Саудовской Аравией снижают шансы конструктивного диалога с Ираном. Схожим образом в годы «холодной войны» американское присутствие в Южном Вьетнаме, Республике Корея, Японии вызывало недоверие Китая после разрыва китайско-советских отношений.

Наконец, потенциальные риски асимметричных альянсов связаны с возможным

ростом авантюризма слабых стран. Полагаясь на гарантии, предоставленные крупной державой, они могут инициировать провокации в отношении третьих государств. В результате растёт вероятность втягивания лидера альянса в нежелательные противостояния. В этой связи искусство управления союзническими отношениями нередко заключается в умении удерживать друзей от нападения на противников [Pressman 2011]. В частности, на протяжении 1950-х годов Вашингтон сталкивался с неоднократными попытками правительства Чан Кайши на Тайване и Ли Сынмана в Южной Корее втянуть США в вооружённые столкновения с Китаем и Северной Кореей.

Исторический опыт свидетельствует, что крупным державам обычно удаётся выскользнуть из этой ловушки, но подобные риски осложняют проведение внешней политики. Они повышают потребность в укреплении влияния на союзников, требующем дополнительных расходов [Kim 2011; Benson, Bentley, Ray 2013; Beckley 2015]. Более того, подобный микроменеджмент может вызывать болезненную реакцию со стороны слабых стран.

Расхождения в ожиданиях между участниками альянсов относительно характера взаимных обязательств (особенно неформальных) создают риски охлаждения отношений. Дефицит содействия со стороны союзников (будь то крупная держава или слабая страна) даже в тех случаях, когда юридически закреплённые гарантии отсутствуют, порождает фрустрацию, которая негативно сказывается на перспективах взаимодействия¹⁸.

Перечисленные издержки, равно как и отсутствие твёрдых гарантий выгод, негативно влияют на ценность асимметричных альянсов для крупных держав. В то же время их готовность использовать этот инструмент во внешней политике зависит не только от соотношения приобретений и потерь, но и от наличия или отсутствия

¹⁸ Осознание таких рисков, в частности, влияло на поведение государств в преддверии Первой мировой войны [Snyder 1997: 201–306].

Таблица 3

Инструменты закрепления политического преобладания

А. Военно-стратегические инструменты	Б. Экономические инструменты	В. Гуманитарные инструменты
1. Колониальное владение		
2.А. Протекторат	2.Б. Валютная зона и финансовая интеграция	
3.А. Альянс	3.Б. Торгово-экономические ассоциации	3.В. Содружества по языковому, историческому, религиозному принципу
4.А. Военно-техническая помощь	4.Б. Содействие международному развитию	4.В. Организации развития гуманитарного сотрудничества

Источник: составлено автором.

альтернатив, лучше обеспечивающих закрепление преобладающего влияния на слабые страны.

4

Военно-политическое союзничество не единственный вариант закрепления гегемонии. На протяжении мировой истории государства использовали широкий набор механизмов для привязывания к себе клиентов¹⁹. До настоящего времени сохранился ряд зависимых территорий, составляющих осколки прежних обширных колониальных владений: до 1960-х годов именно эта форма отношений играла основную роль в закреплении политико-экономического доминирования. Отказ от неё стал результатом утверждения на международной арене нормы самоопределения [Simpson 1996].

Со второй половины XX века большинство инструментов предполагает сохранение формально-юридической самостоятельности участников (табл. 3). Не устраняя диспаритет, такой подход обеспечивает слабым странам большие возможности для самоорганизации и отстаивания собственных интересов в сравнении с пред-

шествующими формами прямого владения²⁰. Закрепление асимметричных отношений не означает обязательного подчинения слабой стороны интересам крупной державы.

Более того, оно не предполагает даже чёткого прописывания конкретных обязательств слабых стран. Такое закрепление проясняет статусное ранжирование и сигнализирует условия последующего торга между ними. Оформление преобладания представляет собой рамочную договорённость относительно порядка заключения дальнейших договорённостей²¹.

Асимметрия может сказываться в неравной степени в различных областях взаимодействия. В этой связи произошло функциональное разграничение инструментов влияния: военно-стратегических, экономических, гуманитарных²². Зачастую для структурирования связей в отдельных областях используются не связанные друг с другом организационные форматы. Они создаются как по отдельности (в частности, в трансатлантическом сообществе отсутствует экономический аналог НАТО), так и параллельно (например, ОДКБ и ЕАЭС имеют почти тождественный состав участников).

¹⁹ См., к примеру, типологию, предложенную Майклом Манном [Mann 2012: 18–20].

²⁰ С другой стороны, в прежние эпохи коммуникационные, транспортные и организационные барьеры затрудняли контроль метрополии над ситуацией на местах.

²¹ Касательно особенностей торга см.: [Fearon 1998].

²² Дэвид Лейк выделял две области иерархий: военно-стратегическую и экономическую [Lake 2009], но в контексте возросшего интереса к использованию культурного капитала для достижения политических целей сложно игнорировать вновь возросший интерес к ненасильственным и внеэкономическим механизмам преобладания [Nye 2011].

Инструменты экономического преобладания обеспечивают влияние крупной державы на слабую страну путём предоставления хозяйственных предпочтений и установление контроля над её рынком. Механизмы гуманитарного влияния (такие как Франкофония или Всемирная исламская лига) формируют общую идентичность, закрепляющую позитивный образ крупной державы. Для этого они апеллируют к сходству исторического опыта, языковых практик, религиозной веры²³.

При всех преимуществах этих механизмов они не способны заменить альянсы, так как не предоставляют слабой стране защиту от насильственного воздействия²⁴. Они не работают по формуле «безопасность в обмен на автономию». Прямой альтернативой союзничеству можно считать только инструменты военно-политического взаимодействия, такие как установление протектората и военно-техническое содействие.

Формат протектората предполагает прямое закрепление контроля над внешней политикой и безопасностью территориальной общности (см., например, Андорра, Монако, Пуэрто-Рико). Крупные державы вынуждены брать на себя серьёзные административные обязательства, а младшему партнёру такой формат сильно сужает поле для манёвра и уязвляет самолюбие²⁵. Такая ситуация не выглядит привлекательной для обеих сторон, поэтому представляется логичным, что к настоящему времени протекторат стал почти такой же экзотикой, как и колонии.

Соответственно, единственной реальной альтернативой альянсам в современном мире осталась военно-технологическая помощь, выражающаяся в поставках воо-

ружений и помощи в подготовке армии. Этот формат предполагает меньшие репутационные риски для крупной державы, так как не требует от неё предоставления публичных гарантий безопасности [Yarhi-Milo, Lanoszka, Cooper 2016].

При этом сложность современных вооружений повышает его применимость как инструмента закрепления преобладания. Потребность в обслуживании поставляемой техники создаёт устойчивую зависимость от крупной державы, сковывая способность слабой страны переориентировать свою политику [Shaw 1983; Catrina 1988]. Вместе с тем государство, поставляющее вооружения, не всегда способно контролировать их использование [Kinsella 1998]. Например, в 2000-х годах американские поставки Пакистану предназначались для борьбы с исламистскими движениями, а Исламабад переориентировал их на противоборство с Индией, продолжая сотрудничать с рядом исламских группировок, с которыми США боролись²⁶.

Военно-техническая помощь менее приспособлена для выполнения ряда функций асимметричных альянсов. В случае партнёрства крупной державы с государством, обладающим значительным латентным потенциалом, оно создаёт предпосылки для наращивания собственного производства вооружений и, следовательно, для обретения внешнеполитической самостоятельности в результате трансфера технологий — исход, которого союзничество призвано избежать²⁷.

Если объект военно-технической помощи характеризуется неустоявшейся государственностью, его организационные возможности могут быть недостаточными

²³ Подробнее о концепции культурного доминирования см.: [Tomlinson 1991].

²⁴ Показателен в этом отношении вывод Александра Вендта и Дэниэла Фридриха, что гарантии безопасности — необходимое условие появления неформальной империи [Wendt, Friedheim 1995].

²⁵ Подробнее об этой форме преобладающего влияния см.: [Lake 2009: 53-55].

²⁶ *Felbab-Brown V. Why Pakistan supports terrorist groups, and why the US finds it so hard to induce change.* Brookings Institute. 05.01.2018. URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2018/01/05/why-pakistan-supports-terrorist-groups-and-why-the-us-finds-it-so-hard-to-induce-change/> (accessed: 10.11.2020).

²⁷ См., например, роль трансфера технологий в становлении китайского военно-промышленного комплекса [Meijer 2018].

для её усвоения. При слабости властных институтов никакие поставки не помогут обеспечить безопасность. Более того, вооружения могут оказаться в руках тех группировок, усиления которых крупная держава стремилась бы избежать.

Военно-техническая помощь может быть не только заменой союзничеству, но и дополнением к нему. Привязывание путём поставок вооружений и экспорта военной доктрины усиливает эффект от гарантий безопасности и одновременно повышает оперативную совместимость войск. Оно делает слабую страну не только более надёжным, но и более полезным союзником для крупной державы, облегчая взаимодействие её подразделений с вооружёнными силами лидера альянса²⁸.

Ранее в настоящей статье неоднократно приводились иллюстрации из американских практик союзничества. Это не удивительно: опыт США обширен, хорошо изучен, а потому активно используется в работах по теории асимметричных альянсов. Вместе с тем использование одного и того же эмпирического материала на этапах построения и проверки научных объяснений порождает опасность неоправданных генерализаций.

Для устранения опасений в том, что теория основана на опыте отдельного государства, стоит оценить её применимость к осмыслению союзнических отношений иных крупных держав. В этой связи далее будет предпринят анализ того, насколько описанные преимущества и связанные с ними издержки проявляются во взаимодействии России с её союзниками. Он также позволит пересмотреть стереотипные оценки российского опыта, поставив его изучение на более твёрдую научную почву.

5

Изучение военно-политических объединений с российским участием страдает от

недостаточного внимания к теории международных альянсов. На него негативно влияют стереотипы, ретранслируемые преимущественно западными исследователями, но которые воздействуют и на публикации отечественных специалистов.

Лейтмотивом зарубежных оценок нередко выступает тезис о том, что у России нет настоящих союзников. Альянсы с её участием описываются как ширма неоимпериализма, построенного на прямом принуждении²⁹. Из таких утверждений делается вывод: в военно-политическое сотрудничество с Москвой вступают те, кто не способен уклониться от её давления, но даже и они не оказывают ей реального содействия. Часто в этом контексте упоминается отказ союзников от признания независимости Абхазии, Южной Осетии, воссоединения с Крымом³⁰.

В противовес этому выступают утверждения, что слабые страны эксплуатируют стремление России к статусному признанию для извлечения практических уступок. Фактически они обменивают посещение мероприятий под патронажем Москвы на материальную помощь и политическую поддержку. И при таком подходе выгоды России от союзничества оцениваются как иллюзорные, стране вновь и вновь приписывается «стратегическое одиночество» [Trenin 2009].

На фоне западной критики российские авторы зачастую затушёвывают асимметричный характер альянсов с российским участием. Они позиционируют существующие объединения в терминах общей выгоды государств-членов. В рамках такого подхода говорить о преобладающем влиянии и преимуществах для Москвы становится едва ли не неприличным [Кулик и др. 2011; Никитина 2011; 2017; Захаров 2012; Nikitina 2012; Малиновский, Пашенко 2016; Голуб, Голуб 2018; Троицкий, Зиновьев 2018].

²⁸ Проблема оперативной совместимости в коллективных операциях стала предметом активного обсуждения западных военных экспертов в контексте опыта 1990-х – 2000-х годов (см.: [Hura et al. 2000; Stewart et al. 2004]).

²⁹ См., например: [Allison 2004; Blank 2007; Torjesen 2008; Wilson 2017].

³⁰ См., например: [Stronski 2020].

Исключением на таком фоне стала коллективная монография, посвящённая союзникам России по Организации Договора о коллективной безопасности [Союзники 2020]. Её авторы, сотрудники Центра анализа стратегий и технологий, дали оценку пяти государствам—членам этого объединения по критериям значимости и лояльности Москве. Такой анализ позволил сформировать более нюансированную оценку их взаимодействия с Россией, прямо акцентируя внимание на выгодах для лидера альянса.

При всём богатстве представленного и проанализированного эмпирического материала данная работа страдает от недостатка теоретической фундированности, обрывочного обоснования используемых переменных, оценки их значений и связи с получаемыми выводами. Сборнику, как и другим публикациям, подробно интерпретирующим российский опыт, недостаёт сопоставления взаимодействия Москвы со странами, которым она предоставляет гарантии безопасности, и с иными партнёрами³¹.

Последующий анализ призван закрыть лакуну в объяснении выбора российских союзников с опорой на теорию асимметричных альянсов. При этом основным объектом изучения, как и в упомянутых выше публикациях, выступают отношения, которые получили договорное закрепление. На конец 2010-х годов Россия предоставляла юридически закреплённые гарантии безопасности семи странам: Армении, Белоруссии, Казахстану, Киргизии и Таджикистану в рамках ОДКБ³², а также Абхазии и Южной Осетии — на основе двусторонних договоров³³.

Два последних государства располагают ограниченным международным признанием и не входят в Организацию Объединённых Наций. По своему фактическому статусу они приближаются к положению протекторатов. Низкий собственный потенциал (в сравнении в том числе с государствами—членами ОДКБ) обуславливает их тесную зависимость от России в политической, экономической и военной областях³⁴.

³¹ Другой пример нюансированной оценки опыта взаимодействия России с союзниками см.: [Kropatcheva 2016].

³² Договор о коллективной безопасности от 15 мая 1992 года. URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/dogovor_o_kollektivnoy_bezopasnosti/ (дата обращения: 10.11.2020); Устав Организации Договора о коллективной безопасности от 7 октября 2002 года. URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/ustav_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti/ (дата обращения: 10.11.2020). Обязательства в рамках ОДКБ дублируются в двусторонних соглашениях России с участниками многостороннего альянса. См.: Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Армения. 29.08.1997. URL: <http://docs.cntd.ru/document/8306454> (дата обращения: 10.11.2020); Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Казахстан. 25.05.1992. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901764295> (дата обращения: 10.11.2020); Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Кыргызстан. 10.06.1992. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901728231> (дата обращения: 10.11.2020); Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан. 25.05.1993. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1902068> (дата обращения: 10.11.2020); Устав Союза Беларуси и России. 23.05.1997. URL: <http://docs.cntd.ru/document/9043017> (дата обращения: 10.11.2020). Показательно, что в ходе обострения конфликта в Нагорном Карабахе осенью 2020 г. российское руководство подтверждало обязательства по оказанию помощи Армении ссылкой на ОДКБ, а не на двустороннее соглашение (см.: Путин заявил о готовности РФ исполнять союзнические обязательства перед Арменией // Интерфакс. 07.10.2020. URL: <https://www.interfax.ru/russia/730360> (дата обращения: 10.11.2020)).

³³ Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Абхазия. 17 сентября 2018 г. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/200> (дата обращения: 10.11.2020); Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия. 17 сентября 2018 г. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/199> (дата обращения: 10.11.2020).

³⁴ Дискуссию об определении статуса Абхазии и Южной Осетии по отношению к существующим типологическим моделям см.: [Казин 2009].

Упрекая Москву в неспособности удержать под своим патронажем, в том числе в военно-политическом альянсе, даже близкие государства, её критики ссылаются на пример Узбекистана, который вошёл в ОДКБ в 2006 году, а в 2012-м покинул Организацию³⁵. В то же самое время Россия не торопится оформлять союзнические отношения с достаточно широким кругом партнёров, которым оказывает значительное содействие, – с Венесуэлой, Сербией, Сирией, при том что в политических кругах этих государств идея юридически закрепить альянс с Москвой периодически циркулирует³⁶. Для Сирии в 2010-х годах Россия стала фактически основным гарантом безопасности, обеспечив укрепление позиций правительства в борьбе с враждебными группировками, но эта роль не получила формального закрепления.

Активно прибегая к иным инструментам, в том числе военно-техническому содействию, Россия не связывает себя юридическими обязательствами помощи за пределами непосредственного окружения³⁷. Даже после расширения географии своего военного присутствия Москва продолжает использовать союзничество для оформления привилегированных отношений исключительно во взаимодействии со странами постсоветского ареала.

При этом в альянсах с российским участием гарантии безопасности дополняются обширной военно-технической помощью. Более того, одним из преимуществ членства в ОДКБ выступает обязательство Москвы продавать союзникам вооружения по внутрироссийским ценам – дешевле, чем иным государствам [Хетагуров 2017].

Вклад России в подготовку командного состава и проведение регулярных совместных учений обеспечивают высокий уровень оперативной совместимости с союзниками.

Таким образом, сформировав относительно компактную сеть военно-политических обязательств, Россия на протяжении 2010-х годов не стремилась её расширять за пределы своего географического окружения даже в случаях, когда для этого существовали предпосылки. Это свидетельствует о чувствительности Москвы к издержкам, связанным с предоставлением гарантий безопасности, которые она впоследствии не сможет или не захочет выполнять³⁸.

Вместе с тем её сохраняющаяся готовность инвестировать в ОДКБ требует объяснения. В литературе уже отмечалось, что для Москвы представляет ценность лояльность государств–членов этого объединения [Союзники 2020]. Это утверждение согласуется с теорией асимметричных альянсов. Следующий раздел призван чётче оценить в контексте построенной типологии функций, какие конкретно преимущества Россия извлекает из союзнических отношений.

Проведение анализа осложняет переплетение различных форм влияния во взаимодействии Москвы с рассматриваемыми странами. Союзники России по ОДКБ одновременно выступают её партнёрами по Евразийскому экономическому союзу, Содружеству Независимых Государств, Шанхайской организации сотрудничества³⁹. Выгодоприобретатели российских гарантий безопасности зависимы от её

³⁵ Saipov Z.S. Factors that Influenced Uzbekistan's Decision to Pull out of the CSTO: The View from Tashkent // Eurasia Daily Monitor. 2012. Vol. 9. No. 136.

³⁶ См., например: Лару Д. Белград призвали к ОДКБ // Известия. 03.04.2018. URL: <https://iz.ru/726511/dmitrii-laru/belgrad-prizvali-k-odkb> (дата обращения: 10.11.2020).

³⁷ Сопоставление союзнических обязательств и военно-технического содействия России см.: [Фомин и др. 2019].

³⁸ Показательно в этой связи, что, несмотря на проведение с 2015 г. военной операции и интенсивное сотрудничество с Дамаском, Москва не пошла на заключение двустороннего альянса с Сирией, чтобы сохранить за собой возможность прекращения поддержки в любой момент.

³⁹ Участниками ШОС не являются Армения и Белоруссия, но Минск входит в Союзное государство с Российской Федерацией.

Таблица 4
Материальные потенциалы государств–членов ОДКБ

	Численность населения (2019)		Валовой внутренний продукт (2019)		Оборонные расходы (2019)	
	млн чел.	% от всего по ОДКБ	млрд долл.	% от всего по ОДКБ	млн долл.	% от всего по ОДКБ
Армения	3,0	1,6	13,7	0,7	673,3	1,0
Белоруссия	9,5	5,0	63,1	3,2	780,1	1,1
Казахстан	18,5	9,7	180,2	9,1	1766,4	2,6
Киргизия	6,5	3,4	8,5	0,4	124,1	0,2
Россия	144,4	76,0	1699,9	86,1	65 102,6	95,0
Таджикистан	8,1	4,3	8,1	0,4	95,8*	0,1

* 2015 год.

Источник: составлено автором по данным Всемирного банка и Стокгольмского института проблем исследования мира на 2019 год (World Development Index DataBank. URL: <https://data.worldbank.org/>; SIPRI Military Expenditure Database. URL: <https://www.sipri.org/databases/milex>).

рынка и инвестиций, находятся в поле её социокультурного влияния.

Соответственно, порой трудно измерить вклад именно союзнических отношений в обеспечение влияния Москвы. Тем не менее последующий анализ подтверждает, что асимметричные альянсы выступают по крайней мере одним из каналов закрепления преобладания.

Тот факт, что гарантии безопасности предшествовали интенсификации региональных интеграционных процессов, свидетельствует в пользу их значимости для закрепления российского лидерства. Он может указывать на «эффект переливания» зависимости из военно-стратегической в иные области⁴⁰. В отдельных случаях (в частности, при вступлении Армении в ЕАЭС) прослеживается прямая связь между военно-политическими обязательствами и влиянием Москвы на политику союзника.

6

Сравнение материальных потенциалов России и её союзников явственно свидетельствует о разительном диспаритете между ними. Москва располагает подавляющим преобладанием с точки зрения численности населения, размеров экономики,

мощи вооружённых сил (табл. 4). Существующий разрыв даёт все основания характеризовать ОДКБ как асимметричный альянс. Соответственно, к этому объединению должны быть применимы положения, представленные в теоретических разделах статьи.

Масштабы диспаритета делают невозможными упомянутые выше задачи профилактики появления конкурирующих игроков. Даже крупнейшие после России государства–члены ОДКБ – Белоруссия и Казахстан – не имеют предпосылок для превращения в равновесных соперников. После распада СССР они добровольно отказались от размещённых на их территории ядерных арсеналов и не претендуют на самостоятельный потенциал сдерживания.

Таким образом, в отличие от Вашингтона, Москва не располагает союзниками, подобными Германии или Японии, которых приходится удерживать от превращения в независимые центры силы. Ряд её привилегированных партнёров, в том числе Китай, Индия, Турция, Иран, либо добились признания в качестве сопоставимых по международно-политической значимости держав, либо претендуют на такой статус. Тем не менее Москва не рассматривала варианты предоставления гарантий безо-

⁴⁰ О таком эффекте писал, в частности, [Mastanduno 2009].

пасности как средство сдерживания их стратегической автономии⁴¹.

Такие попытки в любом случае не имели бы шансов на успех как по причине ограниченных возможностей России, так и ввиду внешнеполитических амбиций стран, весьма чувствительно относящихся к вопросам собственного позиционирования на международной арене [Neumann 2008; Clunan 2009; Forsberg, Heller, Wolf 2014; Larson, Shevchenko 2014]⁴². В то же время их подъём на протяжении 2000-х – 2010-х годов не противоречил стратегическим приоритетам Москвы, добывающейся ослабления американской гегемонии путём становления полицентричной конфигурации международной системы.

Россия мало привлекала союзников к участию в силовых действиях. Единственный раз в 1990-х годах вооружённые силы Казахстана, Киргизии и Узбекистана принимали участие в миротворческой операции СНГ в Таджикистане. Союзники не подключались к аналогичным миссиям в иных конфликтах на постсоветском пространстве (хотя в рамках ОДКБ проработаны процедуры формирования коллективных сил) [Никитина 2014; Годованный 2019]. Москва также не ожидала от ОДКБ и отдельных его членов военного содействия в Сирии⁴³.

Тем не менее Россия полагается на союзников для решения задач проекции силы – на территории всех государств–членов ОДКБ присутствуют российские военные

объекты. В Абхазии, Армении, Киргизии, Таджикистане, Южной Осетии размещены базы, расширяющие военное присутствие Москвы в Закавказье и Центральной Азии. В середине 2000-х годов на фоне вступления в ОДКБ Узбекистана обсуждался вопрос о размещении в этой стране российских военных⁴⁴.

Аномалией на этом фоне стали регулярные отказы Минска от размещения на своей территории российских вооружённых сил, вызывающие разногласия в его отношениях с Москвой⁴⁵. Это очередное свидетельство высказанного ранее тезиса, что даже в условиях диспаритета глубокая зависимость не приводит к полному подчинению – крупной державе приходится считаться с позицией союзников.

Вместе с тем и Белоруссия, и другие участники ОДКБ демонстрируют высокий уровень политической поддержки России на международных площадках. Как уже отмечалось, российские союзники не признали Абхазию и Южную Осетию в качестве независимых государств. Они также уклонились от поддержки Москвы по вопросу воссоединения Крыма и в конфликте на востоке Украины. В то же время они не присоединились и к числу критиков по этим темам⁴⁶. В целом государства–члены ОДКБ чаще, чем другие страны, выступают с солидарных позиций с Россией в рамках международных организаций, в том числе в Генеральной Ассамблее ООН (рис. 1)⁴⁷.

⁴¹ О возможности военно-политического альянса между Россией и Китаем см.: [Киреева 2019; Лукин, Кашин 2019].

⁴² Показательная болезненная реакция Ирана на раскрытие сведений о присутствии российских воздушно-космических сил на его территории в 2016 году, см.: *Куприянов А.* Нелётная погода. Лента.ру. 24 августа 2016 г. URL: <https://lenta.ru/articles/2016/08/24/hamadan/> (дата обращения: 10.11.2020).

⁴³ *Черненко Е.* ОДКБ укрепит мир словом // Коммерсантъ. 18.07.2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3360030> (дата обращения: 10.11.2020).

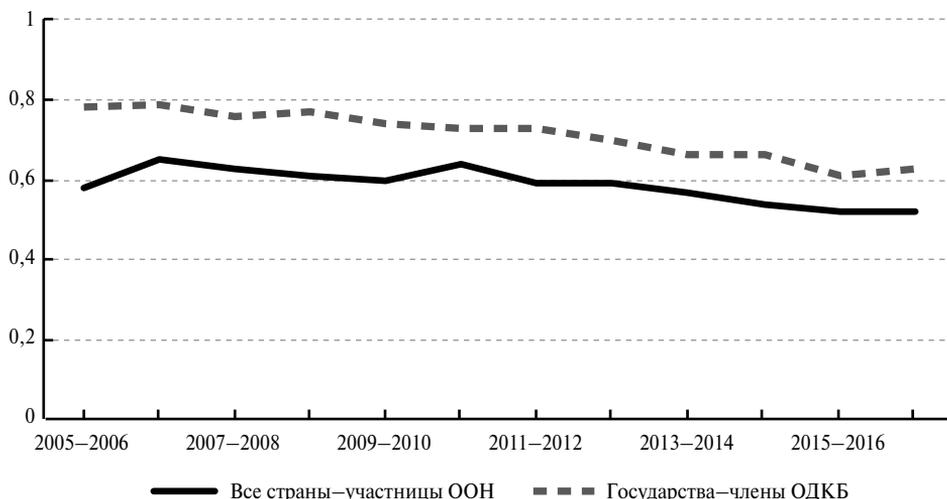
⁴⁴ *Соловьёв В., Сафронов И., Цюверинк Т.* Смена караулов. Коммерсантъ. 24.11.2005. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/629202> (дата обращения: 10.11.2020).

⁴⁵ *Кармазин И.* Белорусский фронт: почему Лукашенко отказался от военной базы России // Известия. 03.10.2019. URL: <https://iz.ru/927892/igor-karmazin/beloruskii-front-pochemu-lukashenko-otkazalsia-ot-voennoi-bazy-rossii> (дата обращения: 10.11.2020).

⁴⁶ В частности, они проголосовали против или воздержались в ходе принятия Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 68/262 по Крыму в 2014 году (Генассамблея ООН приняла резолюцию в поддержку территориальной целостности Украины. ТАСС. 27 марта 2014 г. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-razogovora/1079720> (дата обращения: 10.11.2020)).

⁴⁷ Схожие результаты представлены в: [Фомин и др. 2019].

Рисунок 1
 Степень совпадения позиции России и других государств при голосовании по резолюциям
 в Генеральной Ассамблее ООН

Источник: составлено автором по данным ООН, при расчётах использовалась методология, описанная в: [Истомин 2018].

Кроме того, союзнические отношения дают России возможность существенно ограничивать связи государств-членов ОДКБ с западными странами, с которыми у Москвы сохраняется напряжённость, что подкрепляет российские статусные амбиции⁴⁸.

В этом отношении показателен пример Армении. Ереван с 1990-х годов активно взаимодействовал с НАТО, принимая участие в учениях Североатлантического альянса и прибегая к его содействию в реформировании вооружённых сил. С 2010 г. армянский контингент присутствовал в Афганистане в рамках Международных сил содействия безопасности⁴⁹. Тем не менее в 2013 г. Армения отказалась от Соглашения об ассоциации с ЕС, вступив в Евразийский экономический союз. Это решение имело принципиальное значение для Москвы ввиду игнорирования её оппозиции подписанию аналогичных документов Молдавией и Украиной (не являются

российскими союзниками). Выбор Армении в пользу ЕАЭС был обусловлен не столько экономическими мотивами, сколько стратегической значимостью российских гарантий безопасности [Ghazaryan, Delcour 2017; Ter-Matevosyan 2017].

Наконец, асимметричные альянсы играют значимую роль в политике России по укреплению государственности соседних стран, предотвращая угрозы трансграничного переноса нестабильности. Эта задача особенно актуальна во взаимодействии с союзниками в Центральной Азии – с Киргизией и Таджикистаном [Башаратьян 2012; Гусев 2018]. Москва оказывает поддержку в вооружении и подготовке военных, пограничных и правоохранительных служб этих государств. В рамках ОДКБ осуществляется взаимодействие по контртеррористической и противоэкстремистской тематике [Щеколдина 2019]. Регулярно проводятся операции «Канал» и

⁴⁸ Относительно стремления России обеспечить признание ведущего статуса на постсоветском пространстве см.: [Troitskiy 2017].

⁴⁹ Армения продолжит участие в миссии НАТО "Решительная поддержка". ТАСС. 20 декабря 2018 г. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5934903> (дата обращения: 10.11.2020).

«Незаконно» по отслеживанию наркотрафика и незаконной миграции. Длительное время российские силы непосредственно участвовали в охране границ Таджикистана.

Военно-техническая помощь союзникам дополняет социально-экономическую. Армения, Киргизия и Таджикистан традиционно входят в число основных получателей российской официальной помощи развития [Зайцев, Кнобель 2019]. Хотя помощь предоставляется без непосредственной увязки с союзническими отношениями, её наличие свидетельствует о слаженности усилий по укреплению государственности этих стран, предпринимаемых по различным каналам.

С точки зрения Москвы, оказание содействия союзникам в укреплении их государственности определяется рисками, порождаемыми нестабильностью в них. С 2000-х годов Центральная Азия выступает основным источником мигрантов в Россию, которые становятся источником социальной напряжённости. Соответственно, управление миграционными потоками входит в круг задач внешней политики [Рязанцев, Письменная 2019].

Кроме того, через страны региона проходят маршруты наркотрафика из Афганистана, объём которого существенно возрос в 2000-х – 2010-х годах. Наконец, выходцы из Центральной Азии всё чаще вовлекаются в террористическую активность в России⁵⁰. Таким образом, издержки Москвы на поддержание союзнических отношений можно рассматривать как инвестиции в собственную безопасность.

Таким образом, во внешней политике России оказываются задействованы три из четырёх функций асимметричных альянсов. Опыт её отношений с союзниками не противоречит сформулированным теоретическим положениям: в обмен на предоставляемые гарантии безопасности она получает влияние на них для извлечения выгод, связанных с проецированием силы, легитимацией внешнеполитических ини-

циатив, ограничением свободы манёвра конкурентов, стабилизацией регионального окружения.

Россия не всегда добивается уступок от союзников, но она приобретает устойчивые выгоды при ограниченных прямых издержках, выражающихся преимущественно в льготных условиях поставок вооружений. Более того, Москва до сих пор избегала серьёзных потерь упущенной выгоды, несмотря на вовлечённость её союзников в острые противостояния с третьими странами.

В частности, Армения находится в затяжном конфликте с Азербайджаном из-за Нагорного Карабаха. При этом Москва поддерживает в целом конструктивные отношения с Баку. Аналогичным образом, после распада СССР сохранились противоречия между Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном и Узбекистаном. Ташкент на протяжении этого периода оставался непоследовательным партнёром и для России. Трудности во взаимодействии с этой страной обуславливались преимущественно её стремлением к диверсификации связей. Дистанцирование Узбекистана от Москвы объяснялось прежде всего переориентацией на углубление связей с другими крупными игроками (США, ЕС, Китаем), а не перенесением на Россию его разногласий с центральноазиатскими государствами [Троицкий 2008; Мещеряков 2014; Плотников 2015].

На фоне сравнительно ограниченных прямых расходов и упущенных выгод Россия неоднократно сталкивалась с рисками, порождёнными асимметричными альянсами. В частности, вызванный этническими столкновениями внутривосточный кризис в Киргизии в 2010 г. побудил временное правительство страны обратиться к Москве с просьбой о введении миротворцев ОДКБ. Россия столкнулась с вероятностью нежелательного вовлечения во внутренний конфликт, причём отказ нанёс бы репутационный ущерб возглавляемому ею объединению. Он ставил под

⁵⁰ В частности, выходцы из региона были осуждены за подготовку и проведение террористического акта в Санкт-Петербурге в 2017 году.

вопрос надёжность неформальных гарантий поддержания стабильности, даже при соблюдении юридических обязательств по защите от вооружённого нападения. В итоге Россия воздержалась от направления собственных сил.

Аналогичной стратегии она придерживалась и в отношениях с Арменией. Недовольство Еревана вызывали, в частности, российские поставки вооружения Азербайджану. Тем не менее Москва отказывалась распространять гарантии безопасности на Нагорный Карабах, основываясь на буквальном прочтении юридически закреплённых обязательств⁵¹.

Приведённые примеры недостаточны для проведения обширных генерализаций, и всё же они свидетельствуют, что в ответ на порождаемые альянсами риски Россия склонна уклоняться от расширительной интерпретации обещаний даже тогда, когда это связано с репутационными потерями. В то же время она спокойно относится к недостаточной лояльности своих союзников, во всяком случае до тех пор, пока у Москвы не появляются опасения, что союзники предпринимают попытки стратегической переориентации.

Российский опыт союзнических отношений существенно отличается от американского, который нередко в литературе представляется как образцовая модель. Тем

не менее он соответствует положениям теории асимметричных альянсов. Ограниченность круга государств, на которые Москва распространяет гарантии безопасности, даже по сравнению с числом стран, с которыми она сотрудничает, свидетельствует о чувствительности к издержкам, связанным с асимметричными альянсами.

Опора на союзников в своём непосредственном окружении подтверждает потребность России в асимметричных альянсах в качестве инструмента, закрепляющего влияние. Её готовность прибегать к нему тем более показательна, что вхождение в эксклюзивные военно-политические объединения диссонирует с её нормативной позицией — утверждением, что укреплению международной безопасности в наибольшей степени способствуют инклюзивные форматы, отражающие принцип неделимости безопасности⁵².

Подобное расхождение ценностных установок и практики повышает значимость рассмотренного случая для обоснования теории асимметричных альянсов. Соответствие конкретного эмпирического опыта положениям данной теории обеспечивает им солидную доказательную базу. Можно утверждать, что предпринятый анализ политики России даёт лучшее подтверждение теории, чем исследования американского союзничества.

⁵¹ Значение российских гарантий для Армении и одновременно их пределы ярко продемонстрировал вооружённый конфликт осенью 2020 г. в Нагорном Карабахе. Москва подтвердила, что выполнит обязательства по защите международно признанной территории Армении, которые не распространяются на Нагорный Карабах и прилегающие районы Азербайджана. Показательно стремление азербайджанских сил в ходе конфликта не допустить своими действиями поводов для российского военного вмешательства.

⁵² Между тем в своей критике НАТО Москва апеллирует к принципу неделимости безопасности, указывая на несовместимость с ним расширения Альянса, а также его действий в Центральной и Восточной Европе. Например: «В конце 90-х гг. лидеры государств Европы, США, Канады торжественно провозгласили принцип неделимости безопасности, заявив, что безопасность может быть только общая, только равная и только неделимая, чтобы никто не предпринимал шагов, которые будут ущемлять безопасность других. Это записано на бумаге, в документах саммитов ОБСЕ и в документах встреч Совета Россия–НАТО на высшем уровне. Это предполагает не сохранение военно-политических блоков, а выработку общей правовой базы, которая уравнивала бы всех, кто находится на Евроатлантическом пространстве. Приём Черногории в НАТО, как и «волны» расширения Альянса, состоявшиеся до этого за последние 15 лет, показывают, что НАТО не хочет общей равной безопасности» *Улавров С.В.* Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел России в Балтийском федеральном государственном университете им. И. Канта, Калининград, 6 июня 2017 года. URL: https://www.mid.ru/vistupleniya_ministra/-/asset_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/2777284 (дата обращения: 10.11.2020).

* * *

Настоящая статья была призвана расширить теоретические представления об асимметричных альянсах и углубить понимание российской внешней политики. Актуальность предпринятого анализа определяется тем, что традиционное объяснение союзничества как механизма агрегирования потенциалов государств для совместного противодействия противникам неприменимо к большому числу современных случаев военно-политического сотрудничества.

Между тем крупные державы регулярно предоставляют слабым странам военно-политические обязательства в рамках формулы «безопасность за автономию». Такие асимметричные альянсы позволяют закрепить влияние на союзников, обеспечивая профилактику их превращения в самостоятельных игроков, ограничение их политических и экономических отношений с оппонентами, вовлечение в поддержку инициатив лидера, предотвращение трансграничного распространения нестабильности.

Союзнические отношения не гарантируют этих преимуществ, но повышают вероятность их обретения, закрепляя зависимость слабых стран от крупных. В то же время они влекут за собой прямые и косвенные расходы на защиту союзников, упущенную выгоду от осложнения отношений с третьими странами, а также риски вовлечения в нежелательные конфликты или фрустрации ввиду завышенных ожиданий. Тем не менее функциональную нишу, которую занимают асимметричные альянсы, трудно заполнить с помощью других инструментов. В частности, полным эквива-

лентом не становится военно-техническое содействие, нередко выступающее дополнением к гарантиям безопасности.

Политика Москвы в отношении союзничества соответствует ожиданиям, вытекающим из теории асимметричных альянсов. России не всегда удаётся привлечь в союзнические отношения государства, представляющие для неё интерес. В то же время она и сама не стремится расширять сеть военно-политических обязательств даже в тех случаях, когда для этого имеются предпосылки. В настоящее время Россия предоставляет гарантии семи странам, расположенным в непосредственной близости от себя.

Амбиции Москвы ограничиваются неготовностью принимать обязательства, которые впоследствии она, возможно, не захочет или окажется не способной выполнить. В случаях предоставления гарантий безопасности она извлекает выгоды, связанные с расширением географии проекции силы, легитимацией регионального лидерства, ограничением свободы манёвра западных оппонентов, стабилизацией постсоветского окружения.

Опыт России способствует обоснованию теории асимметричных альянсов. Дальнейшей проверке этой теории может способствовать изучение примеров других крупных держав, в том числе восходящих центров силы. В первую очередь стоит обратить внимание на случаи, в которых военно-политическое сотрудничество осуществляется в отсутствие иных форм закрепления преобладающего влияния. Это позволит чётче охарактеризовать степень зависимости, порождаемой асимметричными альянсами.

Список литературы

- Башаратьян М.М.* Военно-политическая безопасность Центральной Азии и роль ОДКБ в ее обеспечении // *Мировая экономика и международные отношения.* 2012. № 12. С. 15–23.
- Бурдьё П.* Формы капитала // *Экономическая социология.* 2002. Т. 3. № 5. С. 60–74.
- Годованный А.В.* Миротворческая составляющая деятельности «Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ)» // *Вопросы российского и международного права.* 2019. Т. 9. № 1-1. С. 126–131.
- Голуб К.Ю., Голуб Ю.Г.* ОДКБ: истоки многопрофильного мандата и современные инструменты его реализации // *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика.* 2018. Т. 13. № 1. С. 197–203.

- Гусев Л.Ю. Борьба с терроризмом и экстремизмом в странах Центральной Азии и Афганистане. Роль ОДКБ // Россия и новые государства Евразии. 2018. № 1. С. 126–133.
- Джордан Д., Сталберг А., Троицкий М.А. Внешнеполитические ресурсы и инструменты в российско-американских отношениях // Международные процессы. 2021. Т. 19. № 1г. С. 6–25.
- Зайцев Ю.К., Кнобель А.Ю. Приоритеты российской помощи развитию в 2018 г. // Экономическое развитие России. 2019. Т. 26. № 12. С. 23–30.
- Захаров В.М. Состояние и перспективы развития Организации Договора о коллективной безопасности // Проблемы национальной стратегии. 2012. № 3. С. 84–97.
- Истомин И.А. «Дилемма альянсов» в развитии военно-политических союзов США // Ситуационные анализы: международные институты в современной мировой политике. М.: МГИМО-Университет, 2017. С. 215–265.
- Истомин И.А. Vox populi, vox Dei? Великие державы и голосование в Генеральной Ассамблее ООН // Международная аналитика. 2018. № 2. С. 7–18.
- Истомин И.А., Байков А.А. Альянсы на службе гегемонии: деконструкция инструментария военно-политического доминирования // Полис. Политические исследования. 2020. № 6. С. 8–25. DOI: 10.17976/jpps/2020.06.02
- Истомин И.А., Байков А.А. Динамика международных альянсов в неравновесной мировой системе // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 1. С. 34–48. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-1-34-48
- Истомин И. А., Болгова И.В., Соколов А.П., Аватков В.А. «Знак качества» или «чёрная метка»? НАТО как маркер статуса государств // Вестник МГИМО-Университета. 2019. № 2 (65). С. 57–85. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-2-65-57-8
- Истомин И.А., Силаев Н.Ю., Сушенцов А.А. Стратегии союзничества континентальных и морских держав // Международные процессы. 2018. Т. 16. № 4. С. 42–62.
- Казин Ф.А. Взаимоотношения России с Южной Осетией и Абхазией в сравнительной перспективе // Полис. Политические исследования. 2009. № 1. С. 130–142.
- Киреева А.Н. Будущность российско-китайского союзничества в контексте теории международных отношений // Международные процессы. 2019. Т. 17. № 4. С. 84–114. DOI: 10.17994/IT.2019.17.4.59.6
- Кулик С.А. и др. ОДКБ: ответственная безопасность. М.: Инфор, 2011. 68 с.
- Лукин А. В., Кашин В.Б. Российско-китайское сотрудничество и безопасность в АТР // Сравнительная политика. 2019. Т. 10. № 2. С. 135–151. DOI: 10.24411/2221-3279-2019-1002
- Малиновский О.Н., Пащенко И.Ю. Проблемы развития ОДКБ и повышения ее роли в обеспечении коллективной безопасности в Евразии // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 3/1. С. 17–21.
- Мещеряков К.Е. Борьба Казахстана и Узбекистана за региональное лидерство в Центральной Азии и позиция России // Клио. 2014. № 8. С. 100–103.
- Никитина Ю.А. ОДКБ – 2017: сколько лет имениннице и с чем её поздравлять? Российский совет по международным делам. 18 января 2017 г. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/odkb-2017-skolko-let-imeninnitse-i-s-chem-ee-pozdravlyat/> (дата обращения: 10.11.2020).
- Никитина Ю.А. ОДКБ и ШОС как модели взаимодействия в сфере региональной безопасности // Индекс безопасности. 2011. Т. 17. № 2. С. 45–53.
- Никитина Ю.А. Потенциал России и ОДКБ в сфере урегулирования конфликтов и проведения миротворческих операций: возможности для международного сотрудничества // Россия в современных интеграционных процессах. М.: МГИМО-Университет, 2014. С. 137–156.
- Печуров С.Л. Коалиционные войны англосаксов: история и современность. М.: URSS, 2008. 252 с.
- Плотников Д.С. Региональные амбиции Узбекистана сквозь призму российской политики в Центральной Азии // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2015. № 2 (30). С. 46–55.
- Рязанцев С.В., Письменная Е.Е. Международная трудовая миграция в Россию // Международные процессы. 2019. Т. 17. № 4. С. 65–83. DOI 10.17994/IT.2019.17.4.59.5
- Союзники / Под ред. К.В. Макиенко. М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2020. 176 с.
- Троицкий Е.Ф. Внешняя политика Узбекистана в 2004–2007 гг.: от стратегического партнёрства с США к союзническим отношениям с Россией // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 310. С. 93–96.
- Троицкий Е.Ф., Зиновьев В.П. Организация договора о коллективной безопасности: становление, эволюция и кризис военно-политического союза // Русин. 2018. № 4 (54). С. 335–351.
- Троицкий М. Концепция «программирующего лидерства» в евроатлантической стратегии США // Pro et Contra. 2002. Т. 7. № 4. С. 86–103.
- Фомин И.В. и др. Союзники России: формальные обязательства и фактическое сотрудничество // Международные процессы. 2019. Т. 17. № 2. С. 101–130. DOI: 10.17994/IT.2019.17.2.57.6

- Хетагуров А.* Военно-техническое сотрудничество России: страны СНГ. Российский совет по международным делам. 11 ноября 2017 г. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/geopolitics-arms-market/voenno-tekhnicheskoe-sotrudnichestvo-rossii-strany-sng/>
- Щеколдина Т.И.* Контртеррористическая и антиэкстремистская деятельность ОДКБ // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2. № 6. С. 1373–1384.
- Allison R.* Regionalism, regional structures and security management in Central Asia // *International affairs*. 2004. Vol. 80. No. 3. P. 463–483. DOI: 10.1111/j.1468-2346.2004.00393.x
- Barnett M.N., Levy J.S.* Domestic sources of alliances and alignments: The case of Egypt, 1962–73 // *International Organization*. 1991. Vol. 45. No. 3. P. 369–395. DOI: 10.1017/S0020818300033142
- Beckley M.* The myth of entangling alliances: Reassessing the security risks of US defense pacts // *International Security*. 2015. Vol. 39. No. 4. P. 7–48. DOI: 10.1162/ISEC_a_00197
- Benson B.V., Bentley P.R., Ray J.L.* Ally provocateur: Why allies do not always behave // *Journal of Peace Research*. 2013. Vol. 50. No. 1. P. 47–58. DOI: 10.1177/0022343312454445
- Blank S.* US interests in Central Asia and the challenges to them. Washington D.C.: Strategic Studies Institute, 2007. 47 p.
- Bogdanov K.V.* Flexible Coalitions: Origins and Prospects // *Russia in Global Affairs*. 2019. Vol. 17. No. 3. P. 132–150. DOI: 10.31278/1810-6374-2019-17-3-132-150
- Brands H., Feaver P.D.* What Are America's Alliances Good For? // *Parameters*. 2017. Vol. 47. No. 2. P. 15–30.
- Brooks S.G., Ikenberry G.J., Wohlforth W.C.* Don't come home, America: the case against retrenchment // *International Security*. 2013. Vol. 37. No. 3. P. 7–51. DOI: 10.1162/ISEC_a_00107
- Buszynski L.* SEATO, the Failure of an Alliance Strategy. Singapore: Singapore University Press, 1983. 263 p.
- Catrina C.* Arms transfers and dependence. N.Y.: UNIDIR, 1988. 409 p.
- Cha V.D.* Powerplay: The origins of the American alliance system in Asia. Princeton: Princeton University Press, 2016. 330 p.
- Christensen T.J., Snyder J.* Chain gangs and passed bucks: Predicting alliance patterns in multipolarity // *International organization*. 1990. Vol. 44. No. 2. P. 137–168.
- Clark I.* The hierarchy of states: reform and resistance in the international order. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 253 p.
- Cooley A., Nexon D.H.* "The Empire Will Compensate You": The Structural Dynamics of the US Overseas Basing Network // *Perspectives on Politics*. 2013. Vol. 11. No. 4. P. 1034–1050. DOI: 10.1017/S153759271300281
- Clunan A.L.* The Social Construction of Russia's Resurgence: Aspirations, Identity, and Security Interests. Baltimore: JHU Press, 2009. 317 p.
- David S.R.* Choosing Sides: Alignment and Realignment in the Third World. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 1991a. 247 p.
- David S.R.* Explaining third world alignment // *World Politics*. 1991b. Vol. 43. No. 2. P. 233–256. DOI: 10.2307/2010472
- Drezner D.W.* The sanctions paradox: Economic statecraft and international relations. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 342 p.
- Fearon J.D.* Bargaining, enforcement, and international cooperation // *International organization*. 1998. Vol. 52. No. 2. P. 269–305. DOI: 10.1162/002081898753162820
- Fordham B.O.* Trade and asymmetric alliances // *Journal of Peace Research*. 2010. Vol. 47. No. 6. P. 685–696. DOI: 10.1177/0022343310381689
- Forsberg T., Heller R., Wolf R.* Status and emotions in Russian foreign policy // *Communist and Post-Communist Studies*. 2014. Vol. 47. No. 3–4. P. 261–268.
- Frühling S., O'Neil A.* Nuclear weapons, the United States and alliances in Europe and Asia: Toward an institutional perspective // *Contemporary Security Policy*. 2017. Vol. 38. No. 1. P. 4–25. DOI: 10.1080/13523260.2016.1257214
- Fukuyama F.* State-building: governance and world order in the 21st century. Ithaca: Cornell University Press, 2004. 137 p.
- Ghazaryan N., Delcour, L.* From EU integration process to the Eurasian Economic Union: the case of Armenia // *Post-Soviet Constitutions and Challenges of Regional Integration* / ed. by R. Petrov, P. Van Elsuwege. N.Y.: Routledge, 2017. P. 131–152.
- Gibler D.M., Vasquez J.A.* Uncovering the dangerous alliances, 1495–1980 // *International Studies Quarterly*. 1998. Vol. 42. No. 4. P. 785–807. DOI: 10.1111/0020-8833.00106
- Giplin R.* War and change in world politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 272 p.
- Hura M.* et al. Interoperability: A continuing challenge in coalition air operations. Santa Monica: Rand Corp, 2000. 272 p.
- Johnson J.C.* External threat and alliance formation // *International Studies Quarterly*. 2017. Vol. 61. No. 3. P. 736–745. DOI: 10.1093/isq/sqw054

- Johnson J.C.* The cost of security: Foreign policy concessions and military alliances // *Journal of Peace Research*. 2015. Vol. 52. No. 5. P. 665–679. DOI: 10.1177/0022343314565434
- Jordan J., Stulberg A.N., Troitskiy M.* Statecraft in U.S.-Russia Relations: Meaning, Dilemmas, and Significance // *Mezhdunarodnye protsessy*. 2021. T. 19. № 1. С. 4-17.
- Keal P.* Unspoken rules and superpower dominance. N.Y.: St. Martin's Press, 1983. 262 p.
- Kenwick M.R., Vasquez J.A., Powers M.A.* Do alliances really deter? // *The Journal of Politics*. 2015. Vol. 77. No. 4. P. 943–954. DOI: 10.1086/681958
- Keohane R.O., Nye J.S.* Power and Interdependence: World Politics in Transition. Boston: Little, Brown, 1977. 273 p.
- Kim H.M., Woo J., Lee J.C.* What Is the Relationship Between Alliance and Militarized Conflict? Analysis of Reciprocal Causation // *Armed Forces & Society*. 2020. Vol. 46. No. 4. P. 539–563. DOI: 10.1177/0095327X18819253
- Kim T.* Why alliances entangle but seldom entrap states // *Security Studies*. 2011. Vol. 20. No. 3. P. 350–377. DOI: 10.1080/09636412.2011.599201
- Kinsella D.* Arms transfer dependence and foreign policy conflict // *Journal of Peace Research*. 1998. Vol. 35. No. 1. P. 7–23. DOI: 10.1177/0022343398035001002
- Kropatcheva E.* Russia and the collective security treaty organisation: Multilateral policy or unilateral ambitions? // *Europe-Asia Studies*. 2016. Vol. 68. No. 9. P. 1526–1552. DOI: 10.1080/09668136.2016.1238878
- Lake D.A.* Hierarchy in international relations. Ithaca: Cornell University Press, 2009. 232 p.
- Lanoszka A.* Atomic Assurance: The Alliance Politics of Nuclear Proliferation. Ithaca: Cornell University Press, 2018. 201 p.
- Larson D.W., Shevchenko A.* Managing Rising Powers: The Role of Status Concerns // *Status in World Politics* / ed. by T.V. Paul, D.W. Larson, W.C. Wohlforth. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 33–55.
- Larson D.W., Shevchenko A.* Quest for Status. Yale University Press, 2019. 352 p.
- Lebow R.N.* A cultural theory of international relations. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 762 p.
- Leeds B.A., Long A.G., Mitchell S.M.L.* Reevaluating alliance reliability: Specific threats, specific promises // *Journal of Conflict Resolution*. 2000. Vol. 44. No. 5. P. 686–699. DOI: 10.1177/0022002700044005006
- Liska G.* Nations in alliance: The limits of interdependence. Baltimore: Johns Hopkins Press, 1962. 301 p.
- Long T.* It's not the size, it's the relationship: from 'small states' to asymmetry // *International Politics*. 2017. Vol. 54. No. 2. P. 144–160. DOI: 10.1057/s41311-017-0028-x
- Long T.* Small states, great power? Gaining influence through intrinsic, derivative, and collective power // *International Studies Review*. 2017. Vol. 19. No. 2. P. 185–205.
- Major Powers and the Quest for Status in International Politics: Global and Regional Perspectives* / ed. by T. Volgy, R. Corbetta, K. Grant, R. Baird. New York/Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011. 242 p.
- Mann M.* The Sources of Social Power, Volume III: Global Empires and Revolution, 1890–1945. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 510 p.
- Mansfield E.D., Bronson R.* Alliances, Preferential Trading Arrangements, and International Trade // *The Political Economy of International Trade*. 2015. Vol. 46. P. 51–64. DOI: 10.1142/9445
- Mastanduno M.* Economic containment: CoCom and the politics of East-West trade. Ithaca: Cornell University Press, 1992. 353 p.
- Mastanduno M.* The management of alliance export control policy: American leadership and the politics of COCOM // *Controlling East-West Trade and Technology Transfer: Power, Politics and Policies* / ed. by D. Rusk. Durham: Duke University Press, 1988. P. 241–279.
- Mastanduno M.* System Maker and Privilege Taker: US Power and the International Political Economy // *World Politics*. 2009. Vol. 61. No. 1. P. 121–154.
- Mearsheimer J.J.* The tragedy of great power politics. N.Y.: WW Norton & Company, 2001. 555 p.
- Meijer H. et al.* Arming China: Major powers' arms transfers to the People's Republic of China // *Journal of strategic studies*. 2018. Vol. 41. No. 6. P. 850–886. DOI: 10.1080/01402390.2017.1288110
- Morgenthau H.* Politics among Nations: the Struggle for Power and Peace. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1948. 489 p.
- Morrow J.D.* Alliances and asymmetry: An alternative to the capability aggregation model of alliances // *American Journal of Political Science*. 1991. Vol. 35. No. 4. P. 904–933. DOI: 10.2307/21114
- Neumann I.B.* Russia as a great power, 1815–2007 // *Journal of International Relations and Development*. 2008. Vol. 11. No. 2. P. 128–151.

- Newnham R.* "Coalition of the bribed and bullied?" US economic linkage and the Iraq War coalition // *International Studies Perspectives*. 2008. Vol. 9. No. 2. P. 183–200. DOI: 10.1111/j.1528-3585.2008.00326.x
- Nikitina Y.* The Collective Security Treaty Organization Through the Looking Glass // *Problems of Post-Communism*. 2012. Vol. 59. No. 3. P. 41–52. DOI: 10.2753/PPC1075-8216590304
- Nye J.S.* The future of power. N.Y.: Public Affairs, 2011. 300 p.
- Organski A.F.K.* World politics. N.Y.: A.A. Knopf, 1958. 461 p.
- Pressman J.* Warring friends: Alliance restraint in international politics. Ithaca: Cornell University Press, 2011. 178 p.
- Quirk P.W.* Great Powers, Weak States, and Insurgency: Explaining Internal Threat Alliances. N.Y.: Springer, 2017. 278 p.
- Renshon J.* Fighting for status: hierarchy and conflict in world politics. Princeton: Princeton University Press, 2017. 304 p.
- Ripsman N.M., Taliaferro J.W., Lobell S.E.* Neoclassical realist theory of international politics. Oxford: Oxford University Press, 2016. 196 p.
- Schmitt O.* Allies that count: junior partners in coalition warfare. Washington D.C.: Georgetown University Press, 2018. 244 p.
- Security assurances and nuclear nonproliferation / ed. by J. W. Knopf. Stanford: Stanford University Press, 2012. 304 p.
- Shaw H.J.* US Security Assistance: Debts & Dependency // *Foreign Policy*. Spring 1983. No. 50. P. 105–123. DOI: 10.2307/1148283
- Simpson G.J.* The diffusion of sovereignty: Self-determination in the post-colonial age // *The New world order: sovereignty, human rights, and the self-determination of peoples*. Oxford: Berg, 1996. P. 35–70.
- Small states in international relations / ed. by C. Ingebritsen, I. Neumann, S. Gstohl. Seattle: University of Washington Press, 2012. 334 p.
- Small states in world politics: Explaining foreign policy behavior / ed. by J.A.K. Hey. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2003. 204 p.
- Snyder G.H.* Alliance politics. Ithaca: Cornell University Press, 1997. 414 p.
- Status in world politics / ed. by T.V. Paul, D.W. Larson, W. C. Wohlforth. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 306 p.
- Stein A.A.* Power Politics and the Powerless // *Back to the basics: State power in a contemporary world* / ed. by M. Finnemore, J. Goldstein. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 219–248.
- Stewart K. et al.* Non-technical interoperability: The challenge of command leadership in multinational operations. Ginetiq Ltd Farnborough (United Kingdom) Centre For Human Sciences, 2004. URL: <http://www.dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/a465749.pdf>
- Stronski P.* There Goes the Neighborhood: The Limits of Russian Integration in Eurasia. Carnegie Endowment for International Peace. September 16, 2020. URL: <https://carnegieendowment.org/2020/09/16/there-goes-neighborhood-limits-of-russian-integration-in-eurasia-pub-82693> (accessed: 10.11.2020).
- Ter-Matevosyan V. et al.* Armenia in the Eurasian Economic Union: reasons for joining and its consequences // *Eurasian Geography and Economics*. 2017. Vol. 58. No. 3. P. 340–360. DOI: 10.1080/15387216.2017.1360193
- Tomlinson J.* Cultural imperialism: a critical introduction. London: Pinter Publishers, 1991. 181 p.
- Torjesen S.* Russia as a military great power: The uses of the CSTO and the SCO in Central Asia // *The multilateral dimension in Russian foreign policy*. Routledge, 2008. P. 195–206.
- Trachtenberg D.J.* US extended deterrence: How much strategic force is too little? // *Strategic Studies Quarterly*. 2012. Vol. 6. No. 2. P. 62–92.
- Trenin D.* Moscow the Muscular: The Loneliness of an Aspiring Power Center. Carnegie Moscow Center Briefing. 2009. URL: <https://carnegie.ru/2009/01/01/moscow-muscular-loneliness-of-aspiring-power-center-pub-23567> (accessed: 10.11.2020).
- Troitskiy M.* Negotiating Russia's Status in Post-Soviet Eurasia // *Tug of War: Negotiating Security in Eurasia* / ed. by F.O. Hampson, M. Troitskiy. Waterloo: Centre for International Governance Innovation, 2017. P. 19–33.
- Vasquez J.A.* The war puzzle. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 378 p.
- Waltz K.* Theory of International Politics. Boston: McGraw Hill, 1979. 251 p.
- Ward S.* Status and the challenge of rising powers. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 282 p.
- Weitsman P.A.* Waging war: Alliances, coalitions, and institutions of interstate violence. Stanford: Stanford University Press, 2013. 279 p.
- Wendt A., Friedheim D.* Hierarchy under anarchy: informal empire and the East German state // *International Organization*. 1995. Vol. 49. No. 4. P. 689–721.

- Wilson J.L.* The Russian pursuit of regional hegemony // *Rising Powers Quarterly*. 2017. Vol. 2. No. 1. P. 7–25.
- Wolfers A.* Alliances // *International encyclopedia of the social sciences*. Vol. 1. New York: Macmillan, 1968. P. 268–271.
- Womack B.* Asymmetry and international relationships. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 244 p.
- Yarhi-Milo K., Lanoszka A., Cooper Z.* To arm or to ally? The patron's dilemma and the strategic logic of arms transfers and alliances // *International Security*. 2016. Vol. 41. No. 2. P. 90–139. DOI: 10.1162/ISEC_a_00250

MANAGEMENT OF SECURITY COMMITMENTS IN ASYMMETRIC ALLIANCES *THE CASE OF RUSSIA**

IGOR ISTOMIN

MGIMO University, Moscow 119454, Russia

Davis Center for Russian and Eurasian Studies, Harvard University, Boston MA 02138, USA

Abstract

Since the second half of the 20th century, military alliance ceased to play an essential role in ensuring the security of major powers. Meanwhile, asymmetric alliances, in which a major power remained an incontestable leader surrounded by weak parties, proliferated across international system. The literature explains these relationships in terms of an exchange in dissimilar benefits between states, following the formula “security for autonomy”. This explanation seems generally plausible, but it does not reveal exact benefits for a major power from establishing control over the weak states. This article intends to deepen our theoretical understanding of why states resort to asymmetric alliances and to test the significance of suggested propositions through an in-depth analysis of the Russian record of alliances. Russia built allied relations with several neighbors but does not extend similar mechanisms to partners in other geographic areas. This policy is puzzling, since it comes into dissonance with the foreign policy stance that international security and global order should be built on the principle of the indivisibility of security and inclusive international institutions. In its foreign policy discourse Russia strongly condemns closed formats with limited participation. The study solves two interrelated problems. First, it helps to deepen understanding of Russian foreign policy strategy and the role of various instruments of military-political cooperation in ensuring national interests. Secondly, it allows to test the provisions of the theory of asymmetric alliances, assessing its applicability to a hard case. The article reveals Russia’s sensitivity to direct and opportunity costs as well as to potential risks of binding security commitments. However, it relies on asymmetric alliances with neighboring countries to reap the benefits of increasing power projection opportunities, legitimizing its foreign policy initiatives, limiting freedom of maneuver for its competitors, and stabilizing its strategic surrounding. The Russian experience of building relations with

---

* The article was supported by a grant from the International Studies Institute at MGIMO University, (Project No. 1921-01-07): “New Forms of Strategic Competition of the Great Political Powers in the 21st Century” as part of the “Analysis and Forecasting the Evolution of International Relations in the Context of a Changing Technology” project. Preliminary version of this research was presented at the MGIMO GeorgiaTech joint seminar in March 2020. The author expresses his gratitude to Alexander Cooley, Yulia Nikitina, Mihaela Papa and Nikolay Silaev for their comments and suggestions, which helped in preparation of the article.

allies differs significantly from the American one, which, due to the scale of the US alliance network, is often presented as a model one. Nevertheless, it is quite consistent with the provisions of the theory of asymmetric alliances.

Keywords:

military alliance; asymmetry; hegemony; Russia; USA; Collective Security Treaty Organization; NATO.

References

- Allison R. (2004). Regionalism, regional structures and security management in Central Asia. *International affairs*. Vol. 80. No. 3. P. 463–483. DOI: 10.1111/j.1468-2346.2004.00393.x
- Barnett M.N., Levy J.S. (1991). Domestic sources of alliances and alignments: The case of Egypt, 1962–73. *International Organization*. Vol. 45. No. 3. P. 369–395. DOI: 10.1017/S0020818300033142
- Basharat'yan M.M. (2012). Voenno-politicheskaya bezopasnost' Tsentral'noj Azii i rol' ODKB v yeyo obespechenii [Military and Political Security in Central Asia and the Role of CSTO in its Assurance]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. No. 12. P. 15–23.
- Beckley M. (2015). The myth of entangling alliances: Reassessing the security risks of US defense pacts. *International Security*. Vol. 39. No. 4. P. 7–48. DOI: 10.1162/ISEC_a_00197
- Benson B.V., Bentley P.R., Ray J.L. (2013). Ally provocateur: Why allies do not always behave. *Journal of Peace Research*. Vol. 50. No. 1. P. 47–58. DOI: 10.1177/0022343312454445
- Blank S. (2007). *US interests in Central Asia and the challenges to them*. Washington D.C.: Strategic Studies Institute. 47 p.
- Bogdanov K.V. (2019). Flexible Coalitions: Origins and Prospects. *Russia in Global Affairs*. Vol. 17. No. 3. P. 132–150. DOI: 10.31278/1810-6374-2019-17-3-132-150
- Brands H., Feaver P.D. (2017). What Are America's Alliances Good For? *Parameters*. Vol. 47. No. 2. P. 15–30.
- Brooks S.G., Ikenberry G.J., Wohlforth W.C. (2013). Don't come home, America: the case against retrenchment. *International Security*. Vol. 37. No. 3. P. 7–51. DOI: 10.1162/ISEC_a_00107
- Bourdieu P. (2002). Formy kapitala [Forms of Capital]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. Vol. 3. No. 5. P. 60–74.
- Buszynski L. (1983). *SEATO, the Failure of an Alliance Strategy*. Singapore: Singapore University Press. 263 p.
- Catrina C. (1988). *Arms transfers and dependence*. N.Y.: UNIDIR. 409 p.
- Cha V.D. (2016). *Powerplay: The origins of the American alliance system in Asia*. Princeton: Princeton University Press. 330 p.
- Christensen T.J., Snyder J. (1990). Chain gangs and passed bucks: Predicting alliance patterns in multipolarity. *International organization*. Vol. 44. No. 2. P. 137–168.
- Clark I. (1989). *The hierarchy of states: reform and resistance in the international order*. Cambridge: Cambridge University Press. 253 p.
- Clunan A.L. (2009). *The Social Construction of Russia's Resurgence: Aspirations, Identity, and Security Interests*. Baltimore: JHU Press. 317 p.
- Cooley A., Nexon D. H. (2013). "The Empire Will Compensate You": The Structural Dynamics of the US Overseas Basing Network. *Perspectives on Politics*. Vol. 11. No. 4. P. 1034–1050. DOI: 10.1017/S153759271300281
- David S.R. (1991a). *Choosing Sides: Alignment and Realignment in the Third World*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press. 247 p.
- David S.R. (1991b). Explaining third world alignment. *World Politics*. Vol. 43. No. 2. P. 233–256. DOI: 10.2307/2010472
- Drezner D.W. (1999). The sanctions paradox: Economic statecraft and international relations. Cambridge: Cambridge University Press. 342 p.
- Fearon J.D. (1998). Bargaining, enforcement, and international cooperation. *International organization*. Vol. 52. No. 2. P. 269–305. DOI: 10.1162/002081898753162820
- Fomin I.V. et al. (2019). Soyuzniki Rossii: formal'nye obyazatel'stva i fakticheskie sotrudnichestvo [Allies of Russia: Formal Commitments and Practical Cooperation]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 17. No. 2. P. 101–130. DOI: 10.17994/IT.2019.17.2.57.6
- Fordham B.O. (2010). Trade and asymmetric alliances. *Journal of Peace Research*. Vol. 47. No. 6. P. 685–696. DOI: 10.1177/0022343310381689
- Forsberg T., Heller R., Wolf R. (2014). Status and emotions in Russian foreign policy. *Communist and Post-Communist Studies*. Vol. 47. No. 3–4. P. 261–268.

- Frühling S., O'Neil A. (2017). Nuclear weapons, the United States and alliances in Europe and Asia: Toward an institutional perspective. *Contemporary Security Policy*. Vol. 38. No. 1. P. 4–25. DOI: 10.1080/13523260.2016.1257214
- Fukuyama F. (2004). *State-building: governance and world order in the 21st century*. Ithaca: Cornell University Press. 137 p.
- Ghazaryan N., Delcour, L. (2017). From EU integration process to the Eurasian Economic Union: the case of Armenia. In: Petrov R., Van Elsuwege P. (eds) *Post-Soviet Constitutions and Challenges of Regional Integration*. N.Y.: Routledge. 2017. P. 131–152.
- Gibler D.M., Vasquez J.A. (1998). Uncovering the dangerous alliances, 1495–1980. *International Studies Quarterly*. Vol. 42. No. 4. P. 785–807. DOI: 10.1111/0020-8833.00106
- Giplin R. (1981). *War and change in world politics*. Cambridge: Cambridge University Press. 272 p.
- Godovannyj A.V. (2019). Mirotvorcheskaya sostavlyayuschaya deyatel'nosti "Organizatsii dogovora o kolektivnoj bezopasnosti (ODKB)" [Peacekeeping Aspect of the Activity of the "Collective Security Treaty Organization (CSTO)". *Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava*. Vol. 9. No. 1–1. P. 126–131.
- Golub K. Yu., Golub Yu. G. (2018). ODKB: istoki mnogoprofil'nogo mandata i sovremennye instrumenty ego realizatsii [CSTO: Sources of Multi-profile Mandate and Modern Instruments of Its Implementation]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsij: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika*. Vol. 13. No. 1. P. 197–203.
- Gusev L.Yu. (2018). Bor'ba s terrorizmom i ekstremizmom v stranakh Tsentral'noj Azii i Afganistane. Rol' ODKB [Struggle against Terrorism and Extremism in the Countries of Central Asia and Afghanistan. The Role of CSTO]. *Rossiya i novye gosudarstva Evrazii*. No. 1. P. 126–133.
- Hey J.A.K. (ed.) (2003). *Small states in world politics: Explaining foreign policy behavior*. Boulder: Lynne Rienner Publishers. 204 p.
- Hura M. et al. (2000). *Interoperability: A continuing challenge in coalition air operations*. Santa Monica: Rand Corp. 272 p.
- Ingebritsen C., Neumann I., Gstohl S. *Small states in international relations*. Seattle: University of Washington Press, 2012. 334 p.
- Istomin I.A. (2017). "Dilemma Al'ansov" v razvitii voenno-politicheskikh soyuzov SSHA ["Alliance Dilemma" in the Development of Military Alliances of the United States]. In: Shakleina T. A. (eds) *Situatsionnye analizy: mezhdunarodnye instituty v sovremennoj mirovoj politike*. Moscow: MGIMO Universitet. P. 215–265.
- Istomin I.A. (2018). Vox populi, vox Dei? Vilike derzhavy i golosovanie v General'noj Assamblee OON [Vox populi, vox Dei? Great Powers and Votes in the UN General Assembly]. *Mezhdunarodnaya analitika*. No. 2. C. 7–18.
- Istomin I.A., Baykov A.A. (2019). Dinamika mezhdunarodnykh al'ansov v neravnovesnoj mirovoj sisteme [Dynamics of International Alliances in the Unbalanced World System]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 63. No. 1. P. 34–48. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-1-34-48
- Istomin I.A., Baykov A.A. (2020). Al'ansy na sluzhbe gegemonii: dekonstruktsiya instrumentariya voenno-politicheskogo dominirovaniya [Alliances Serving Hegemony: Deconstruction of the Instruments of Military and Political Domination]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 6. P. 8-25. DOI: 10.17976/jpps/2020.06.02
- Istomin I.A., Bolgova I.V., Sokolov A.P., Avatkov A.V. (2019). A "Badge of Honour" or a "Stamp Of Infamy"? NATO as a Marker of Status in International Politics. *Vestnik MGIMO Universiteta*. No. 2. P. 57–85. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-2-65-57-8
- Istomin I.A., Silaev N.Yu., Sushentsov A.A. (2018). Strategii soyuznichestva kontinental'nykh i morskikh derzhav. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 16. No. 4. P. 42–62.
- Johnson J.C. (2015). The cost of security: Foreign policy concessions and military alliances. *Journal of Peace Research*. Vol. 52. No. 5. P. 665–679. DOI: 10.1177/0022343314565434
- Johnson J.C. (2017). External threat and alliance formation. *International Studies Quarterly*. Vol. 61. No. 3. P. 736–745. DOI: 10.1093/isq/sqw054
- Jordan J., Stulberg A. & Troitskiy M. (2021a). Statecraft in U.S.-Russia Relations: Meaning, Dilemmas, and Significance. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 19. No. 1e. P. 5–18.
- Jordan J., Stulberg A. & Troitskiy M. (2021b). Statecraft in U.S.-Russia Relations: Meaning, Dilemmas, and Significance. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 19. No. 1r. P. 5–24.
- Kazin F.A. (2009). Vzaimootnosheniya Rossii s Yuzhnoj Osetiej i Abkhaziej v stavnitel'noj perspective [Interaction of Russia with South Ossetia and Abkhazia in Comparative Perspective]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 1. P. 130–142.
- Kenwick M.R., Vasquez J.A., Powers M.A. (2015). Do alliances really deter? *The Journal of Politics*. Vol. 77. No. 4. P. 943–954. DOI: 10.1086/681958
- Keal P. (1983). *Unspoken rules and superpower dominance*. N.Y.: St. Martin's Press. 262 p.

- Keohane R.O., Nye J.S. (1977). *Power and Interdependence: World Politics in Transition*. Boston: Little, Brown. 273 p.
- Khetagurov A. (2017). *Voenno-tekhnicheskoe sotrudnichestvo Rossii: strany SNG* [Military and Technical Cooperation of Russia: CIS Countries]. Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/geopolitics-arms-market/voenno-tekhnicheskoe-sotrudnichestvo-rossii-strany-sng/>
- Kim H.M., Woo J., Lee J.C. (2020). What Is the Relationship Between Alliance and Militarized Conflict? Analysis of Reciprocal Causation. *Armed Forces & Society*. Vol. 46. No. 4. P. 539–563. DOI: 10.1177/0095327X18819253
- Kim T. (2011). Why alliances entangle but seldom entrap states. *Security Studies*. Vol. 20. No. 3. P. 350–377. DOI: 10.1080/09636412.2011.599201
- Kinsella D. (1998). Arms transfer dependence and foreign policy conflict. *Journal of Peace Research*. Vol. 35. No. 1. P. 7–23. DOI: 10.1177/0022343398035001002
- Kireeva A.N. (2019). Buduschnost' rossijsko-kitajskogo sojuznichestva v kontekste teorii mezhdunarodnykh otnoshenij [Future of Alignment between Russia and China in the Context of Theory of the International Relations]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 17. No. 4. P. 84–114. DOI: 10.17994/IT.2019.17.4.59.6
- Knopf J. W. (2012). *Security assurances and nuclear nonproliferation*. Stanford: Stanford University Press. 304 p.
- Kropatcheva E. (2016). Russia and the collective security treaty organisation: Multilateral policy or unilateral ambitions? *Europe-Asia Studies*. Vol. 68. No. 9. P. 1526–1552. DOI: 10.1080/09668136.2016.1238878
- Kulik S. A. et al. (2011). *ODKB: otvetstvennaya bezopasnost'* [CSTO: Responsible Security]. Moscow: Insor. 68 p.
- Lake D. A. (2009). *Hierarchy in international relations*. Ithaca: Cornell University Press. 232 p.
- Lanoszka A. (2018). *Atomic Assurance: The Alliance Politics of Nuclear Proliferation*. Ithaca: Cornell University Press. 201 p.
- Larson D.W., Shevchenko A. (2014). Managing Rising Powers: The Role of Status Concerns. In: Paul T.V., Larson D.W., Wohlforth W.C. (eds) *Status in World Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 33–55.
- Larson D.W., Shevchenko A. (2019). *Quest for Status*. Yale University Press. 352 p.
- Lebow R.N. (2008). *A cultural theory of international relations*. Cambridge: Cambridge University Press. 762 p.
- Leeds B.A., Long A.G., Mitchell S.M.L. (2000). Reevaluating alliance reliability: Specific threats, specific promises. *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 44. No. 5. P. 686–699. DOI: 10.1177/0022002700044005006
- Liska G. (1962). *Nations in alliance: The limits of interdependence*. Baltimore: Johns Hopkins Press. 301 p.
- Long T. (2017a). It's not the size, it's the relationship: from 'small states' to asymmetry. *International Politics*. Vol. 54. No. 2. P. 144–160. DOI: 10.1057/s41311-017-0028-x
- Long T. (2017b). Small states, great power? Gaining influence through intrinsic, derivative, and collective power. *International Studies Review*. Vol. 19. No. 2. P. 185–205.
- Lukin A.V., Kashin V.B. (2019). Rossijsko-kitajskoe sotrudnichestvo i bezopasnost' v ATR [Cooperation between Russia and China and Security in the Asia Pacific region]. *Sravnitel'naya politika*. Vol. 10. No. 2. P. 135–151. DOI: 10.24411/2221-3279-2019-1002
- Makienko K.V. (2020). *Soyuzniki* [Allies]. Moscow: Tsentr analiza strategij i tekhnologij. 176 p.
- Malinovskij O.N., Paschenko I.Yu. (2016). Problemy razvitiya ODKB i povysheniya yeyo roli v obespechenii kollektivnoj bezopasnosti v Evrazii [Challenges for Development of CSTO and for Increase of Its Role in Provision of Collective Security in Eurasia]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mys'*. Vol. 8. No. 3–1. P. 17–21.
- Mann M. (2012). *The Sources of Social Power, Volume III: Global Empires and Revolution, 1890–1945*. Cambridge: Cambridge University Press. 510 p.
- Mansfield E. D., Bronson R. (2015). Alliances, Preferential Trading Arrangements, and International Trade. *The Political Economy of International Trade*. Vol. 46. P. 51–64. DOI: 10.1142/9445
- Mastanduno M. (1988). The management of alliance export control policy: American leadership and the politics of COCOM. In: Rusk D. (ed.) *Controlling East-West Trade and Technology Transfer: Power, Politics and Policies*. Durham: Duke University Press, 1988. P. 241–279.
- Mastanduno M. (1992). *Economic containment: CoCom and the politics of East-West trade*. Ithaca: Cornell University Press. 353 p.
- Mastanduno M. (2009). System Maker and Privilege Taker: US Power and the International Political Economy. *World Politics*. Vol. 61. No. 1. P. 121–154.

- Mearsheimer J.J. (2001). *The tragedy of great power politics*. N.Y.: WW Norton & Company. 555 p.
- Meijer H. et al. (2018). Arming China: Major powers' arms transfers to the People's Republic of China. *Journal of strategic studies*. Vol. 41. No. 6. P. 850–886. DOI: 10.1080/01402390.2017.1288110
- Mescheryakov K.E. (2014). Bor'ba Kazakhstana i Uzbekistana za regional'noe liderstvo v tsentral'noj Azii i pozitsiya Rossii [Struggle of Kazakhstan and Uzbekistan for Regional Leadership in Central Asia and Russian position]. *Klio*. No. 8. P. 100–103.
- Morgenthau H. (1948). *Politics among Nations: the Struggle for Power and Peace*. N.Y.: Alfred A. Knopf. 489 p.
- Morrow J.D. (1991). Alliances and asymmetry: An alternative to the capability aggregation model of alliances. *American Journal of Political Science*. Vol. 35. No. 4. P. 904–933. DOI: 10.2307/21114
- Neumann I.B. (2008). Russia as a great power, 1815–2007. *Journal of International Relations and Development*. Vol. 11. No. 2. P. 128–151.
- Newnham R. (2008). "Coalition of the bribed and bullied?" US economic linkage and the Iraq War coalition. *International Studies Perspectives*. Vol. 9. No. 2. P. 183–200. DOI: 10.1111/j.1528-3585.2008.00326.x
- Nikitina Y. (2012). The Collective Security Treaty Organization Through the Looking Glass. *Problems of Post-Communism*. Vol. 59. No. 3. P. 41–52. DOI: 10.2753/PPC1075-8216590304
- Nikitina Yu.A. (2011). ODKB i ShOS kak modeli vzaimodejstviya v sfere regional'noj bezopasnosti [CSTO and SCO as models for interaction in the sphere of regional security]. *Indeks bezopasnosti*. Vol. 17. No. 2. P. 45–53.
- Nikitina Yu. A. (2014). Potentsial Rossii i ODKB v sfere uregulirovaniya konfliktov [Potential of Russia and CSTO in the sphere of the conflict settlement]. *Rossiya v sovremennykh integratsionnykh protsessakh*. Moscow: MGIMO Universiteta. P. 137–156.
- Nikitina Yu. A. (2017). ODKB – 2017: skol'ko let imeninnitse i s chem yeyo pozdravlyat'? [CSTO – 2017: how old is the birthday child and with what it is to be congratulated?]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/odkb-2017-skolko-let-imeninnitse-i-s-chem-ee-pozdravlyat/>
- Nye J.S. (2011). *The future of power*. N.Y.: Public Affairs. 300 p.
- Organski A.F.K. (1958). *World politics*. N.Y.: A.A. Knopf. 461 p.
- Paul T.V., Larson D.W., Wohlforth W.C. (eds) (2014). *Status in world politics*. Cambridge: Cambridge University Press. 306 p.
- Pechurov S.L. (2008). *Koalitsionnye vo'ny anglo-saksov: istoriya i sovremennost'* [Coalition Wars of Anglo-Saxons: History and Modern Record]. Moscow: URSS. 252 p.
- Plotnikov D.S. (2015). Regional'nye ambitsii Uzbekistana skvoz' prizmy rossijskoj politiki v Tsentral'noj Azii [Regional Ambitions of Uzbekistan through the Prism of Russian Policy in Central Asia]. *Vestnik Permskogo universiteta*. Seriya: Politologiya. No. 2 (30). P. 46–55.
- Pressman J. (2011). *Warring friends: Alliance restraint in international politics*. Ithaca: Cornell University Press. 178 p.
- Quirk P. W. (2017). *Great Powers, Weak States, and Insurgency: Explaining Internal Threat Alliances*. N.Y.: Springer. 278 p.
- Ripsman N.M., Taliaferro J. W., Lobell S. E. (2016). *Neoclassical realist theory of international politics*. Oxford: Oxford University Press. 196 p.
- Renshon J. (2007). *Fighting for status: hierarchy and conflict in world politics*. Princeton: Princeton University Press. 304 p.
- Ryazantsev S.V., Pis'mennaya E.E. (2019). Mezhdunarodnaya trudovaya migratsiya v Rossii [International Labour Migration to Russia]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 17. No. 4. P. 65–83. DOI 10.17994/IT.2019.17.4.59.5
- Schekoldina T.I. (2019). Kontrterroristicheskaya i antiextremistskaya deyatel'nost' ODKB [Counter-terrorist and Anti-extremists Activity of the CSTO]. *Postosovetskie issledovaniya*. Vol. 2. No. 6. P. 1373–1384.
- Schmitt D. (2018). *Allies that count: junior partners in coalition warfare*. Washington D.C.: Georgetown University Press. 244 p.
- Shaw H.J. (1983). US Security Assistance: Debts & Dependency. *Foreign Policy*. No. 50. P. 105–123. DOI: 10.2307/1148283
- Simpson G. J. (1996). The diffusion of sovereignty: Self-determination in the post-colonial age. In: *The New world order: sovereignty, human rights, and the self-determination of peoples*. Oxford: Berg. P. 35–70.
- Snyder G.H. (1997). *Alliance politics*. Ithaca: Cornell University Press. 414 p.
- Stein A.A. (2013). Power Politics and the Powerless. In: Finnemore M., J. Goldstein J. (eds) *Back to the basics: State power in a contemporary world*. Oxford: Oxford University Press. P. 219–248.
- Stewart K. et al. (2004). *Non-technical interoperability: The challenge of command leadership in multinational operations*. Ginetiq Ltd Farnborough (United Kingdom) Centre For Human Sciences. URL: <http://www.dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/a465749.pdf>

- Stronski P. (2020). *There Goes the Neighborhood: The Limits of Russian Integration in Eurasia*. Carnegie Endowment for International Peace. URL: <https://carnegieendowment.org/2020/09/16/there-goes-neighborhood-limits-of-russian-integration-in-eurasia-pub-82693>
- Ter-Matevosyan V. et al. (2017). Armenia in the Eurasian Economic Union: reasons for joining and its consequences. *Eurasian Geography and Economics*. Vol. 58. No. 3. P. 340–360. DOI: 10.1080/15387216.2017.1360193
- Tomlinson J. (1991). *Cultural imperialism: a critical introduction*. London: Pinter Publishers. 181 p.
- Torjesen S. (2008). Russia as a military great power: The uses of the CSTO and the SCO in Central Asia. In: *The multilateral dimension in Russian foreign policy*. Routledge. P. 195–206.
- Trachtenberg D.J. (2012). US extended deterrence: How much strategic force is too little? *Strategic Studies Quarterly*. Vol. 6. No. 2. P. 62–92.
- Trenin D. (2009). *Moscow the Muscular: The Loneliness of an Aspiring Power Center*. Carnegie Moscow Center Briefing. URL: <https://carnegie.ru/2009/01/01/moscow-muscular-loneliness-of-aspiring-power-center-pub-23567>
- Troitskiy E.F. (2008). Vneshnyaya politika Uzbekistana v 2004–2007 gg.: ot strategicheskogo partnerstva s SSHA k soyuznicheskim otnosheniyam s Rossiej. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 310. P. 93–96.
- Troitskiy E.F., Zinoviev V.P. (2018). Organizatsiya dogovora o kolektivnoj bezopasnosti: stanovlenie, evolutsiya i krizis voenno-politicheskogo soyuza [Collective Security Treaty Organization: Creation, Evolution and Crisis of the Military and Political Alliance]. *Rusin*. No. 4 (54). P. 335–351.
- Troitskiy M. (2002). Kontseptsiya “programiruyuschego liderstva” v evroatlanticheskoy strategii SSHA [Concept of “Programming Leadership” in Euro-Atlantic Strategy of the USA]. *Pro et Contra*. Vol. 7. No. 4. P. 86–103.
- Troitskiy M. (2017). Negotiating Russia’s Status in Post-Soviet Eurasia. In: Hampson F.O., Troitskiy M. (eds) *Tug of War: Negotiating Security in Eurasia*. Waterloo: Centre for International Governance Innovation. P. 19–33.
- Vasquez J. A. (1993). *The war puzzle*. Cambridge: Cambridge University Press. 378 p.
- Volgy T., Corbetta R., Grant K., Baird R. (eds) (2011). *Major Powers and the Quest for Status in International Politics: Global and Regional Perspectives*. New York: Palgrave Macmillan. 242 p.
- Waltz K. (1979). *Theory of International Politics*. Boston: McGraw Hill. 251 p.
- Ward S. (2017). *Status and the challenge of rising powers*. Cambridge: Cambridge University Press. 282 p.
- Weitsman P. A. (2013). *Waging war: Alliances, coalitions, and institutions of interstate violence*. Stanford: Stanford University Press. 279 p.
- Wendt A., Friedheim D. (1995). Hierarchy under anarchy: informal empire and the East German state. *International Organization*. Vol. 49. No. 4. P. 689–721.
- Wilson J. L. (2017). The Russian pursuit of regional hegemony. *Rising Powers Quarterly*. Vol. 2. No. 1. P. 7–25.
- Wolfer A. (1968). Alliances. In: *International encyclopedia of the social sciences*. Vol. 1. New York: Macmillan. P. 268–271.
- Womack B. (2016). *Asymmetry and international relationships*. Cambridge: Cambridge University Press. 244 p.
- Yarhi-Milo K., Lanoszka A., Cooper Z. (2016). To arm or to ally? The patron’s dilemma and the strategic logic of arms transfers and alliances. *International Security*. Vol. 41. No. 2. P. 90–139. DOI: 10.1162/ISEC_a_00250
- Zaitsev Yu. K., Knobel A. Yu. (2019). Prioritety rossijskoj pomoschi razvitiyu v 2018 g. [Priorities of the Russian Development Aid in 2018]. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii*. Vol. 26. No. 12. P. 23–30.
- Zakharov V. M. (2012). Sostoyanie i perspektivy razvitiya Organizatsii Dogovora o kolektivnoj bezopasnosti [Current State and Prospects of the Collective Security Treaty Organization]. *Problemy natsional’noj strategii*. No. 3. P. 84–97.